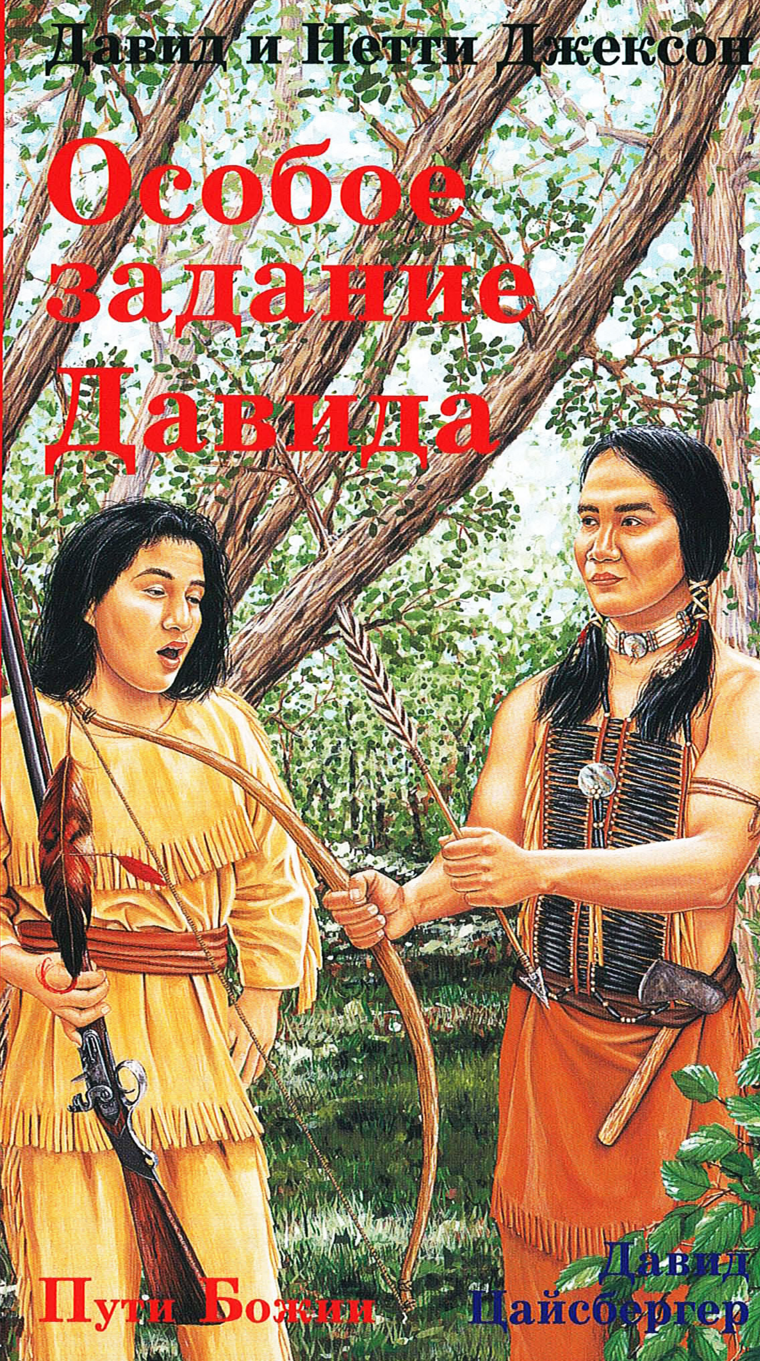
Давид и Нетти Джексон

Особое задание Давида

Пути Божии

Давид Цайсбергер

Давид и Нетти Джексон

Особое задание Давида

CLV
Christliche
Literatur-Verbreitung e.V.
Postfach 11 01 35 · 33661 Bielefeld

Название оригинала:
The Warrior's Challenge – David Zeisberger

by CLV – Christliche Literatur-Verbreitung
Postfach 110135, 33661 Bielefeld
Internet: www.clv.de
Типография: Ebner Ulm

ISBN 3-89397-480-6

Содержание

Предисловие

Эта история о Давиде Цайсбергере взята из книги столетней давности «Моравские индейцы». Автор книги неизвестен, мы знаем только, что он также написал книгу «Собиратели ягод».

Эта повесть — реальная история. Группа людей, объятых слепой ненавистью, напала на мирных индейцев-христиан, которые ради безопасности переправлялись в Филадельфию. Среди индейцев действительно был хромой мальчик, который на пути из Пенсильвании в Огайо заболел и умер. И список тех, кто десятью годами позже был убит на берегу реки Мускаингун, содержит имена: Иосиф Сабош и Джон Майер.

В книге «Моравские индейцы» говорится, что Давид Цайсбергер прошел весь путь вместе с племенем индейцев-христиан, хотя в его автобиографии сказано, что он встретил их на полпути и сопровождал до новой родины.

Еще в книге «Моравские индейцы» говорится, что Иосиф и его отец — индейцы. Другие же биографические источники сообщают, что убитый в 1781 году Джон Сабош, был сыном белого — брата из Европы, которого звали Джон Иосиф Сабош. Этот человек был женат на индианке.

На пути в обетованную землю

Иосиф опрокинул последнее ведро кукурузной каши в выдолбленный ствол дерева и с отвращением сморщил нос.

— Глупая, отвратительная скотина, — проворчал он. — Вы только и можете, что валяться в вонючей грязи и прибавлять мне работу. И зачем только взрослые решили держать коров и свиней? — недовольно проговорил он. — Если бы мы чаще ходили на охоту, у нас было бы достаточно мяса.

С пустым ведром он перелез через забор, у которого стоял, прислонившись спиной к большому пню, его друг Давид Хекштайн. Услышав слова Иосифа, Давид весело прищурил глаза.

— Рано или поздно ты все переводишь на охоту, — улыбнулся он. — Не переживай, Иосиф. Тебе уже скоро четырнадцать лет. Твой отец скоро будет брать тебя на охоту — следующей весной обязательно.

На первый взгляд, казалось, что оба мальчика — братья. Оба носили кожаные мокасины, а поверх широких брюк — простые самотканые рубашки. Гладкие волосы свободно падали на плечи, как у всех верующих индейцев, которые стригли свои волосы. Но, приглядевшись, можно было заметить между ними некоторые различия.

Иосиф выглядел намного старше своего друга, статный, крепкий. У него были темные глаза, густые черные волосы, его загорелое тело излучало здоровье и силу. Двенадцатилетний Давид, напротив, был маленьким и худым,

слишком худым для своего возраста. Его волосы тоже спадали на плечи, но были каштанового цвета. У него были серо-синие глаза — наследство от отца, брата из Богемии, которого звали Бертольд Хекштайн. Он нес здесь миссионерское служение и был убит враждебно настроенными индейцами, когда Давид был еще совсем маленьким. Но его темные брови и ресницы и смуглое тело выдавали, что его мать была индианка из племени могикан. Он всегда искренне улыбался, но очень часто в его глазах было заметно страдание.

Друзья еще немножко полежали на траве, радуясь теплому сентябрьскому солнцу, которое стояло над долиной реки Сускуеханна.

— Листья уже меняют окраску, — проговорил Давид, глядя, как ветерок шевелит листьями кленов и берез.

— Скоро солнце сядет, — вскочил Иосиф. — Надо вовремя принести тебя домой на ужин, а то твоя мать еще найдет наше убежище.

Он нагнулся, подхватил Давида и посадил себе на спину, придерживая его одной рукой, а другой схватил ведро. Он постарался не трясти мальчика, спеша к ровному ряду блочных домиков, из которых состояло индейское село Мирные Дома, стоящее на берегу реки Сускуеханна. Необычная пара уже завернула за угол блочного домика, как Иосиф вдруг остановился.

— Смотри-ка, — сказал Иосиф, с трудом переводя дыхание.

Давид, обхватив Иосифа за шею, осторожно посмотрел из-за плеч. Большая толпа людей собралась на твердо утоптанной улице вблизи миссионерского дома. Среди жителей было немного могикан, большинство из них были ирокезы — объединение шести отдельных племен: сенеки, орнондаги, качуа, мохаки,

онейды и тускарори. Иосиф не удивился, узнав в одном из мужчин Джона Хекевельдера, молодого богемского миссионера, который в течение последнего года жил с ними. Но другой?

— Это отец Цайсбергер! — взволнованно воскликнул Давид. — Он вернулся!

Лицо Иосифа расплылось в широкой улыбке, и он быстрым шагом направился к миссионерскому дому. Давид Цайсбергер был пастором и духовным вождем общины, состоящей из двухсот христиан-индейцев, поселившихся вдоль реки Сускуеханна. Большую часть 1771 года он провел в миссионерском путешествии на западе Пенсильвании и Огайо, чтобы достичь Евангелием другие племена. Во время его отсутствия ответственным за эту миссионерскую станцию был брат Хекевельдер.

Но теперь отец Цайсбергер снова был дома! Иосиф радовался этому. Пастор очень нравился ему, и он уважал этого худощавого сильного человека, который был чуть выше Иосифа, имел открытое серьезное лицо, и говорил, всегда называя вещи своими именами, был честным и верным в слове. «Это качество, — иронически думал Иосиф, — очень необычно для англичанина».

Но, хотя кожа отца Цайсбергера и брата Хекевельдера была белой, они не были англичанами. Они приехали в Америку из далекой Богемии. Чтобы добраться туда, нужно было переплыть океан, как и в Англию, и там говорили на смешном языке, который назывался немецким. К счастью, оба миссионера выучили язык ирокезов, на котором говорили все в племени.

Когда оба мальчика подошли к возбужденно говорящей толпе, они услышали, как Давид Цайсбергер возвысил голос и сказал:

— Братья, зайдем в дом и спокойно обговорим

это дело. У нас у всех свое мнение, но мы должны узнать, соответствуют ли наши мысли воле Божьей.

Отец Иосифа Джон Сабош заметил мальчиков, оторвался от людей и подошел к ним.

— Иосиф, ты выполнил свое задание?

— Да, папа, но что...

— Тогда отнеси Давида к его матери. Отец Цайсбергер вернулся и назначил встречу со старейшинами села. Я сегодня приду попозже. А теперь иди! — строго приказал он. — Это дело не для мальчиков. Вы еще успеете узнать обо всем.

Когда Иосиф повернулся, чтобы исполнить повеление отца, тот добавил ему вслед:

— Сполосни эти ведра!

Иосиф отнес Давида к блочному домику Хекштайнов, который был точно так же, как и все остальные, построен из бревен и древесной коры. Оба были разочарованы и молчали. От них простонапросто отмахнулись! Что вообще происходит? Может, что-то случилось?

Анна Хекштайн обрадовалась, увидев мальчиков.

— Как хорошо, что вы пришли! Вас так долго не было, и я начала уже немного переживать. Отец Цайсбергер вернулся, вы уже видели его? — и, обратившись к сыну, спросила. — Давид, как твои дела? Может, сараи для свиней слишком далеки для тебя?

— Мама, я чувствую себя хорошо, — успокоил ее Давид, когда Иосиф опустил его на пол, на медвежью шкуру.

Он умоляюще посмотрел на друга, который собрался уходить.

Иосиф нагнулся и прошептал ему на ухо:

— Я приду, как только что-нибудь узнаю, — пообещал он, — и ты поможешь мне выполнить домашнее задание.

Сгорая от любопытства, Иосиф бросил ведра и позади домов пробрался назад к молитвенному дому. Окна, освещенные теплым вечерним солнцем, были открыты. «Хорошо», — подумал Иосиф, подполз под одно окно и, найдя удобное положение, прислонился спиной к стене из деревянных блоков, откуда мог все прекрасно слышать.

— Что это значит? Почему ирокезы продали нашу землю белым переселенцам? — спросил взволнованный голос внутри дома.

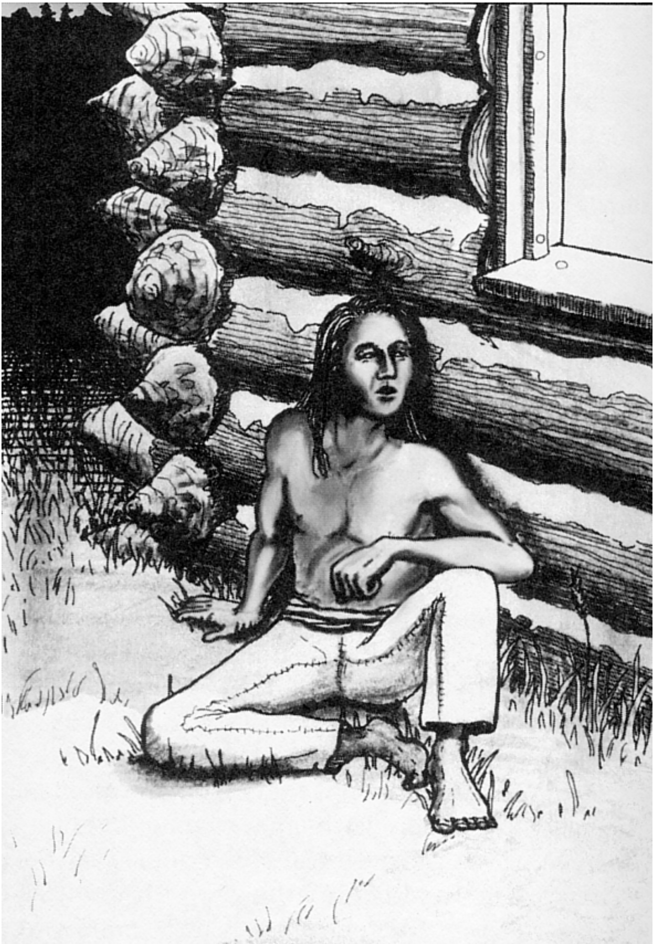
Иосиф узнал голос Джона Майера, молодого онанганда-ирокеза, который присоединился к индейцам-христианам и даже принял христианское имя.

— Ирокезы семь лет назад отдали нам эту землю вдоль реки Сускуеханна, — продолжал Джон Майер. — Верой мы строили дома и засевали поля.

— Я знаю, знаю, — услышал он успокаивающий голос Давида Цайсбергера. — Бог подарил нам это место мира и благополучия, все семь лет благословлял его, и мы надеялись, что так будет еще много лет.

— Отец Цайсбергер, — послышался другой голос, говорящий на языке ирокезов с немецким акцентом, — не можем ли мы заключить договор? Пять лет назад уже была ссора из-за этой земли, но ты пошел на большой совет шести племен, и спор был решен в нашу пользу.

— Да, это было так, брат Хекевельдер, — сказал Цайсбергер. — Но даже если продажа земли не состоится, факт остается фактом: белые подходят к нам все ближе со своим алкоголем и своими пороками. Если мы останемся здесь, мы снова будем вовлечены в их ссоры и войну. Разве ты забыл последнюю войну между французами и англичанами? Из-за того, что мы отказались воевать,

нас с обеих сторон подозревали в шпионаже. Даже наши индейские братья из разных племен обратились против нас, потому что мы не хотели браться за оружие. Получилась такая неразбериха, что нам пришлось прекратить миссионерскую работу.

— Он прав. — Иосиф узнал голос своего отца. — Я бы не хотел снова просить англичан о «защите», как в ту ужасную зиму, когда они заперли нас в армейские казармы в Филадельфии.

Громкие голоса послышались из дома. Даже Иосиф, слушающий под окном, помнил яростную толпу белых мужчин, которые в то время хотели убить всех индейцев — все равно, друзей или врагов, христиан или язычников, мирных или враждующих — для них не было никакой разницы. Это была толпа, которая вырвала Давида из рук матери и...

Ход мыслей Иосифа был прерван голосом Цайсбергера.

— В моем последнем путешествии вождь Нетаватве пригласил меня посетить делаваров в Огайо. Он очень хочет, чтобы мы организовали миссионерскую станцию у делаваров, и он обещал нам землю на берегу реки Мускаингун. Перед тем как вернуться сюда, я разговаривал об этом приглашении с пресвитером церкви «Вифлеем» в Пенсильвании, а также о споре за землю здесь, в Сускуеханне.

Он сделал паузу. Все молчали и ждали.

— Богемские братья советуют нам, — продолжал пастор, — перенести нашу миссию на запад, на берег Мускаингуна. Для нас открывается прекрасная возможность принести Евангелие делаварам. К тому же в Огайо мы снова будем удалены от белых переселенцев на сотни миль и можем жить в мире.

В доме снова воцарилось молчание. Иосиф, сидящий на улице под окном, от волнения затаил дыхание.

Оставить это место? Но зачем? С тех пор, как началась кровавая война между французами и

англичанами на берегах Сускуеханны, группу индейцев-христиан гонят с одного места на другое. Богемские миссионеры уговорили их поменять беспокойную жизнь охотников на размеренную жизнь фермеров. Земля была плодородной, и они получали большие урожаи зерна, которого хватало не только для себя, но и бедным голодающим племенам индейцев и группам охотников, проходящих мимо.

Кроме свиней, в селе держали кур, большое стадо молочных и мясных коров. Каждая семья имела вокруг дома большой огород. Они продавали самодельные лодки и кленовый сироп, который собирали поздней зимой в близлежащем лесу. Художественное искусство христиан-индейцев тоже было хорошо известно. Но, кроме этого, село имело церковь, школу и миссионерский дом. Что будет со всем этим?

— Наши старейшины говорят мудро. — Иосиф услышал, как его отец прервал молчание. — Скоро зима, и мы используем зимние месяцы, чтобы все приготовить. Работы много. А весной тронемся, как ты сказал, отец Цайсбергер. Этот зов обращен к нам — оставить нашу родину и получить что-то лучшее, как народ израильский, который через пустыню шел к обетованной земле. Бог будет с нами.

Дрожь пробежала по телу Иосифа. Он был взволнован. Путешествие в дикий край! Это будет почти как в истории, в которой он слышал о том, как было раньше: свободная жизнь, каждый день — охота, сражение с дикими зверями, чтобы выжить…

Он улыбнулся. Наверняка они оставят здесь этих глупых свиней!

И вдруг, совсем неожиданно улыбка исчезла с

его лица. Ужасная мысль прошла через голову: «Давид не может ходить. Неужели его нужно будет бросить здесь?»

Всадник в корзине

Давид Хекштайн связал свою одежду в узелок. Затем он с трудом пополз по комнате и бросил свой узел в кучу, где были собраны одежда и кухонная утварь. Но эти усилия заставили его застонать от сильной боли в ногах. Он бросил короткий взгляд на мать, которая сидела на пороге открытой двери, но она не заметила его. Анна Хекштайн, с большой черной косой на спине, плела огромную, необычного вида, корзину.

— Доброе утро, сестра Хекштайн, — прозвучал с улицы голос Иосифа. — Можно мне взять Давида на берег реки — мы посмотрим, как мужчины будут уезжать на лодках?

Лицо Давида просветлело, когда он услышал приглашение Иосифа, но потом стал колебаться. «Может, все-таки не оставлять маму одну, чтобы она сама паковала все вещи», — подумал мальчик.

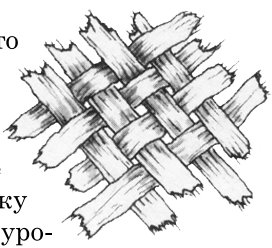
По лицу сына Анна поняла, о чем он думал.

— Идите, идите, — сказала она. — Я должна закончить эту корзину, и ты не можешь мне помочь в этой работе. Но будь очень осторожен с Давидом, Иосиф!

Когда Иосиф поднял Давида на спину и направился по дороге к реке, мальчик шепнул ему на ухо:

— Иосиф, только не беги.

Иосиф кивнул. Он понял, что сегодня у Давида сильно болели ноги.

Прошли месяцы после решения оставить село Мирные Дома и переселиться на реку Мускаингун. Осенью собрали уро-

жай. Во время долгой зимы братья сшили новые мокасины, а из толстых стволов построили новые лодки. Когда пришла весна, Давид Цайсбергер с пятью семьями выехали первыми, чтобы найти хорошее место для нового села.

Отец Цайсбергер вернулся обратно, и теперь пришло время отправляться. В это ясное июньское утро 1772 года берег Сускуеханны был полон мужчин, которые загружали лодки тяжелыми орудиями труда с ферм и запасами пищи. Все жители, желающие переселиться в Огайо, были разделены на две группы. Группа поменьше из 50 мужчин, которая сопровождала тяжелый груз на лодках, тут же отчалилила. Группа побольше, которая должна была идти по земле, отправлялась на следующий день.

Иосиф осторожно опустил Давида на траву. Глядя на дружно работающих мужчин, мальчики молчали. Им было так интересно, что Давид почти забыл свои боли. Школа закрылась несколько недель назад. Все были слишком взволнованы и заняты, чтобы заниматься уроками. Давид был рад, что он с матерью тоже переезжает. Даже мысль остаться здесь была для него невыносима.

Но его радость омрачалась некоторыми мыслями. Как мать будет нести его всю дорогу до Огайо? Хотя она не была старой, привыкла к тяжелому труду и имела здоровую спину, но нести его в церковь или на прополку было совсем не то, что пройти сотни километров через леса, реки и горы. К тому же, хотя Давид никому ничего не говорил, было видно, что его боли усиливаются с каждым днем. Он очень быстро уставал. Сможет ли он выдержать постоянное движение в пути?

Погрузка была закончена. Люди стояли близко друг к другу — пришло время прощаться. Спели

одну песню, пастор Цайсбергер помолился, и братья отправились в путь. Они по двое пошли к лодкам, взяли в руки весла и оттолкнулись от берега. Какой чудесный вид! Двадцать пять тяжело груженых лодок легко скользили по воде, как стая горбатых рыб.

— Мне интересно, когда мы их снова увидим, — серьезно сказал Иосиф, когда лодки исчезли за поворотом.

— Да, — задумчиво проговорил Давид, который в этот момент подумал о том же.

Когда мальчики медленно возвращались по лесной дороге к селу, Давид увидел двух мужчин, разговаривавших около дома с его матерью. Даже издалека он понял, что они были не из их деревни, так как головы у них были острижены наголо, кроме одной пряди волос, которая была украшена перьями, серебряными украшениями и жемчугом. На голых руках и ногах они носили вышитые повязки.

Когда мальчики подошли поближе, мужчины повернулись и внимательно оглядели их.

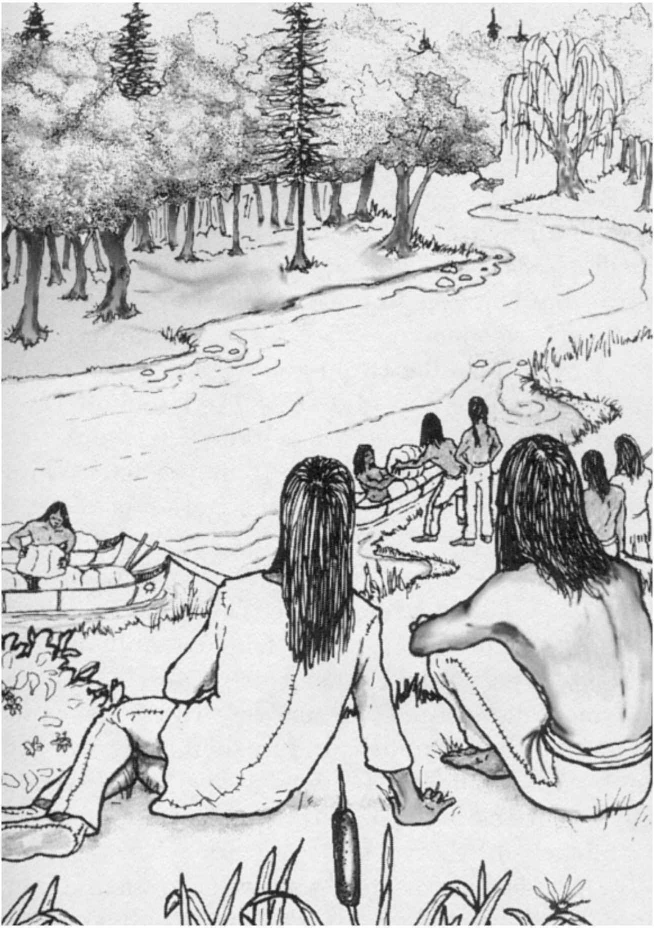
— Это твой мальчик? — спросил один из них.

Лицо Анны Хекштайн просветлело.

— Да, да, — улыбнулась она. — Это мой Давид и его друг Иосиф. — Она осторожно сняла Давида со спины Иосифа и прислонила его к косяку двери. — Давид, это мой брат Серебряный Нож и наш кузен Опече. Ты, конечно, не помнишь их, потому что ты был совсем маленьким, когда видел их в последний раз.

Давид удивился. Что они тут делают, его дядя и двоюродный брат матери?

— Мы еще раз просим тебя, сестра, — с серьезным видом сказал Серебряный Нож, — не уходи с ними. Довольно и того, что ты оставила наше пле-

мя, чтобы жить в этом селе, которое не принадлежит ни к какому племени и ни к какой семье.

— Мы все принадлежим к союзу ирокезов, — напомнила Анна.

— Но не могикан! — прошипел ее брат.

Опече выступил вперед.

— Вернись домой, кузина. Даже если твой сын от белого, мы примем его в свое племя как твоего сына и научим его обычаям могикан.

— И к тому же, — сердито вставил Серебряный Нож, — твой мальчик калека и не сможет вынести такую дорогу.

Анна не могла сразу ответить. Сердце Давида сильно стучало. Лицо Иосифа стало тревожным — неужели мать Давида на самом деле оставит индейцев-христиан?

— Нет, — сказала мать решительно. — Я радуюсь вашей заботе обо мне, но… я не могу пойти с вами. Я должна воспитать сына в вере его отца, а также в моей вере. Великий Бог и Отец простил все мои грехи и подарил мне новую жизнь — вот здесь внутри, — она постучала по груди. — Это теперь мой народ. Куда они пойдут, туда и я пойду.

— Воспитать твоего сына? — Серебряный Нож презрительно рассмеялся и оглядел недвижимое тело Давида, стоящего у косяка. — Ты разве не видишь, что он болен? Он умрет на следующий год.

— Это неправда! — воскликнула Анна, и ее глаза засверкали. — Он день ото дня становится сильнее. Дорога будет трудной, но если мы придем в Мускаингун…

Опече поднял руку и прервал ее:

— Все в порядке. Ты выбрала, — сказал он, и вдруг показал пальцем в сторону Иосифа. — Но вы берете с собой и таких мальчишек, как этот смельчак? Ты и за них хочешь выбирать?

Не говоря больше ни слова, Опече дал знак своему кузену, они пошли вниз по главной улице и исчезли в лесу.

Анна долго смотрела им вслед, а затем закрыла лицо обеими руками. Иосиф и Давид молча смотрели на нее. Что имел в виду Опече?

В этот момент к ним подбежал брат Хекевельдер.

— Сестра Хекштайн, как твои дела? Я видел обоих мужчин. Ах, Иосиф! Твой отец ищет тебя. Поторопись.

Иосиф сверкнул глазами. Он взглянул на Давида и послушно пошел, хотя ему так хотелось ничего не упустить. С тревожным лицом брат Хекевельдер повернулся к Анне, которая к этому времени уже успокоилась. Она коротко рассказала о своем разговоре с родными.

— Я боюсь, что они хотят переманить к себе наших молодых людей, — взволнованно проговорил брат Хекевельдер. — Но твой брат прав в одном, сестра Хекштайн. Не будет ли переезд слишком тяжел для тебя и Давида? Мальчик слаб, а у тебя нет мужа, который смог бы нести его.

— Ничего, — прервала его Анна, — я сама понесу его.

Она подняла корзину, которую уже несколько дней плела из речной травы. Корзина имела удивительную форму, была совсем неглубокой с одной стороны, а сбоку были два отверстия. Она закинула корзину за спину и поправила на плечах плетеные ремни.

— Ну, брат Хекевельдер, если бы ты смог посадить туда Давида…

Через несколько мгновений Давид оказался в корзине на спине матери, его худые бездействующие ноги свисали из отверстий сбоку. Ему было так же удобно, как при езде на спине Иосифа, только здесь он чувствовал себя еще увереннее.

* * *

Небо уже посветлело, но солнце еще не взошло, когда жители села Мирные Дома направились в

маленькую сельскую церковь. Они не заходили внутрь, но останавливались со своими пакетами и узлами в большом саду, держа за руку заспанных детей.

После того как все собрались, брат Хекевельдер запел песню. Голоса немного дрожали, но слова утешали. Когда затихли последние звуки, отец Цайсбергер открыл книгу и прочитал благословение, которое дал Моисей двенадцати коленам израильским перед их входом в обетованную землю: «Железо и медь запоры твои; как дни твои, будет умножаться богатство твое» (Втор. 33, 25). Он обратился с приветливым словом к своей церкви, которая стояла готовой перед трудной дорогой.

— Мы не знаем, что ожидает нас или как долго нам придется идти. Но Бог обещает, что Он даст нам силы.

Люди благодарно проговорили: «Аминь».

Иосиф только в пол-уха слушал, когда отец Цайсбергер произносил длинную молитву. Что-то он говорил о Боге, Который будет идти с ними навстречу незнакомым опасностям... останавливать бурные воды... закрывать пасти диких зверей... охранять их от стрел враждебных индейцев... будет хранить их от ссор и вражды.

Иосифа больше интересовала необычайная корзина, которую сплела Анна Хекштайн, чтобы нести в ней своего хромого сына. Давид тоже выглядел необычно, он был смущен. «Ну, да, — думал Иосиф, — он действительно выглядит немного комично, но я это никогда ему не скажу».

Прозвучало «аминь», и братья надели соломенные шляпы — все это показало Иосифу, что молитва закончилась. Затем он услышал, как отец Цайсбергер громко и отчетливо сказал:

— Встаньте и идите, это не ваше место покоя!

Иосиф улыбнулся и покачал головой от восхищения: отец Цайсбергер превосходно знал Священное Писание. Он мог к любой ситуации найти подходящее место Писания.

Иосиф побежал на свое место, которое было почти в начале колонны, чтобы помочь другим мальчикам гнать коз, молочных коров и бычков. «Свиней все же не взяли с собой», — довольно думал он. Когда старейшины села решили продать свиней, — это было, по мнению Иосифа, лучшим решением.

После животных и мальчиков шли остальные — мужчины, женщины и дети. Каждая семья имела одну или две лошади, которые были нагружены продовольствием и запасами на дорогу. Верхом ехали только самые старые и больные.

Когда переселенцы достигли края села, Иосиф увидел, как Анна Хекштайн и некоторые женщины в последний раз посмотрели на свое уютное село. Много вещей пришлось оставить: самодельные столы, стулья, кровати, медвежьи шкуры и плетеные стулья. Желтые, розовые и сиреневые цветы, которые цвели перед домами, придавали брошенному селу жилой вид, казалось, что в нем еще остались люди.

Иосиф же повернулся на запад и посмотрел через долину реки Сускуеханна на густые леса, которые росли на горах Пенсильвании. Сегодня вечером они разобьют лагерь под этими деревьями!

* * *

Утреннее солнце все еще грело их спины, когда Иосиф увидел их — воинов-ирокезов, которые неожиданно появились из леса и перекрыли им дорогу. Иосиф не знал, что ему делать: сообщить

об этом отцу Цайсбергеру или догонять коров, отбившихся от стада. Отец помешал ему сделать выбор, крикнув ему:

— Иосиф, выгони коров из леса!

Когда Иосиф и другие мальчики вернули коров в стадо и снова встали в колонну, отец Цайсбергер как раз спрашивал индейцев, зачем они перекрыли им дорогу.

— Вы оставляете нашу долину. Может, вы никогда не вернетесь, — сказал один из мужчин мимоходом через плечо. — Мы только хотим попрощаться с нашими двоюродными братьями, сестрами и друзьями.

Но когда он говорил, его взгляд скользнул на хорошо ухоженное стадо, охраняемое мальчиками. Туда же поглядывали и другие воины.

Голос Цайсбергера оставался приветливым, но глаза его всё замечали.

— Хорошо, быстро попрощайтесь, так как перед нами сегодня еще длинная дорога. — Отойдя немного, пастор повернулся к отцу Иосифа и тихо прошептал: — А ты с другими братьями понаблюдай за ними. Может, у них что-то злое на уме.

Вскоре прозвучало повеление — двигаться дальше. Один за другим воины отстали от колонны и скрылись в лесу. Но Иосифу, который гнал стадо целый день, казалось, что он видит между деревьями тени, которые двигаются вместе с ними.

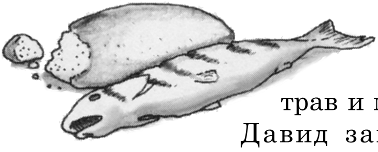
Плакса

Давид был рад, что колонна остановилась. На обед тоже делали остановку, но она была очень короткой. Анна убеждала его поесть копченой рыбы с кукурузной лепешкой, который она приготовила на этот день. Давид из любви к матери постарался съесть побольше. Пройдя долину, они вошли в лес и прошли довольно большой отрезок пути. Ближе к вечеру снова появилась возможность передохнуть, пока братья искали удобное место для ночлега.

Анна сидела на обросшем мхом пне и тихо напевала. Давид сидел, прислонившись к ней, и желал про себя, чтобы они могли здесь раскинуть лагерь. Он наблюдал за маленькими детьми, которые, казалось, вообще не уставали. Они бегали вокруг, играли в прятки между кустами и радовались своей свободе.

— Сестра Анна! Давид! — раздался мягкий голос отца Цайсбергера. — Мои дорогие друзья, я почти не видел вас с тех пор, как вернулся из Мускаингуна, — он сел рядом с ними на поваленный ствол дерева. — Значит, и вы решили переселиться в новую землю? Давид, как твое здоровье? Наверняка ты чувствуешь себя сейчас лучше, чем несколько месяцев назад, когда я уезжал.

— О да, теперь ему намного лучше, — горячо вставила Анна. — Ты видишь, какой у него здоровый румянец и как блестят его глаза? Он всегда был бледным, но свежий лесной воздух лучше всех трав и медицины.

Давид заметил, как внима-

тельно посмотрел на него отец Цайсбергер. Мальчик отвернулся. Ему казалось, что отец Цайсбергер всегда прекрасно знал, как он чувствует себя — даже лучше, чем его мама. Давид понимал, что она видела только то, что хотела видеть.

Когда отец Цайсбергер снова начал говорить, его голос звучал тише и серьезнее, чем раньше.

— Дорогая Анна, ты очень решительная и смелая. Но дорога длинная. Хватит ли у тебя сил выдержать до конца?

— Разве ты сегодня утром не читал из Писания, отец Цайсбергер? — Анна вскинула голову. — Как дни твои, так будет умножаться сила твоя?

— Правильно, — кивнул Цайсбергер, — но Давид — тяжелая ноша в такой длинной дороге.

— Тяжелая? — Глаза Анны сверкнули. — Нет. Худенькое тело Давида для меня самая легкая ноша. Мне больно видеть, как он страдает оттого, что не может, как другие, резвиться и бегать. Подними-ка его, и ты увидишь, какой он легкий!

Отец Цайсбергер взял мальчика на руки и прошел с ним немного. Почувствовав вокруг себя сильные руки, Давид с благодарностью положил голову на плечи пастора.

— Твой отец Бертольд был моим самым лучшим другом, Давид, — задумчиво сказал Цайсбергер. — Как бы я желал, чтобы он был здесь и увидел своего прекрасного мальчика, заботился в этом трудном пути о тебе и о твоей матери.

— Я думал, что увижу отца намного раньше, — искренне сказал Давид, высказывая мысль, которую скрывал от своей матери. — Но Бог до сих пор еще не позвал меня. Я думаю, что мне придется еще некоторое время быть бременем для мамы.

— Давид, пожалуйста, не говори так!

Голос матери прозвучал для Давида совсем неожиданно. Как видно, она шла за ними.

— Ты — моя радость и единственное утешение, всё, что я имею в этом мире! Что бы я делала без тебя?

В этот момент они услышали сигнал к отправлению. Отец Цайсбергер помог Давиду забраться в корзину. Перед тем как идти, он тихо сказал:

— Да благословит тебя Бог и сохранит тебя, мой мальчик. Да приведет Он тебя в мире к концу пути.

Когда они снова шли по лесной дороге, Давид вспомнил выражение глаз Цайсбергера. Это было всего лишь сладким сном — надеяться, что он с матерью выдержит такую длинную дорогу. Пастор это тоже знал. Неожиданно Давид разозлился на себя: как же он был себялюбив, захотев пойти вместе со всеми!..

— Мама! — позвал он громко. — Ты слышала, что сказал пастор? Ты никогда не сможешь донести меня до Огайо. Мама, давай вернемся! Мы можем жить дальше в нашем доме в селе Мирные Дома, пока Бог не позовет меня к моему отцу. Это будет недолго, я уверен в этом… Я знаю, что Бог усмотрит, как привести тебя в новую землю, когда меня уже не будет.

Давид никогда не говорил с матерью о смерти. Он знал, что этим он причинит ей боль. Но ведь он должен объяснить ей, как безрассудно идти дальше!

— Тише, Давид, — твердо сказала Анна. — Своими словами ты разбиваешь мое сердце. Мои плечи совсем не чувствуют тяжести. Я желала, чтобы ты был тяжелее, тогда у меня на сердце было бы легче.

— Но, мама…

— Давид, я больше ничего не хочу слышать. Мы вместе осилим эту дорогу, а когда мы придем в

нашу новую прекрасную родину, ты снова станешь здоровым и сильным, вот увидишь.

Давид вздохнул и ничего больше не сказал. Но безнадежность точила его сердце: он никогда не станет здоровым и сильным! Каждый день он боролся с болями, с каждым днем чувствуя себя слабее, и сильно уставал. Неужели мама не видит этого?

* * *

Солнце уже исчезло за деревьями, когда прозвучал сигнал к остановке. Лагерь разбили на берегу озера. Иосиф и другие мальчики нашли хорошее пастбище, собрали туда стадо и огородили это место подобием забора из толстых веток, соединяя дерево с деревом. Коз привязали к деревьям каждую отдельно. Некоторые молодые братья пришли с меховыми ведрами, чтобы подоить коз и коров.

Закончив свою работу, подростки собрали сухие дрова, чтобы разжечь костер. Усталый, но довольный, Иосиф смотрел, как женщины готовили ужин из вяленого мяса. Еще был черный хлеб, молоко для детей, а для взрослых — чай. В это время мужчины сняли с лошадей груз и вырезали из ветвей колья, чтобы соорудить для женщин и детей простой навес.

— Ну, Иосиф, это был хороший день, — сказал Джон Сабош, когда он наконец-то присел рядом с сыном ужинать. — В такое время мне особенно не хватает твоей матери, — задумчиво закончил он.

Иосиф удивленно посмотрел на отца. Джон Сабош редко вспоминал свою жену, которая умерла от гриппа вскоре после того, как они поселились в селе Мирные Дома. Глядя на родителей с детьми, рассевшихся вокруг костра, которые восхищались этим путешествием, Иосиф ощутил в своем сердце

чувство одиночества. Может, и его отец чувствует что-то подобное.

Отец с сыном молча сидели у костра и ели.

— Знаешь, Иосиф, — начал отец, — через несколько дней мы собираемся на охоту. Отец Цайсбергер поручил мне организовать ее… и я думаю, что пришло тебе время пойти с нами.

— Отец! Ты в самом деле так думаешь? Да? Посмотришь, как хорошо я могу стрелять из лука — я тренировался всегда, когда была возможность.

— Ну, это мы посмотрим, — сказал Джон Сабош. — Да, ты можешь пойти с нами, если пообещаешь не отходить от группы и делать все, что я тебе скажу.

Иосиф кивнул и тут же вскочил.

— Можно, я сбегаю к Давиду и расскажу ему об этом? Он всегда переживает за меня и радуется моим успехам.

— Только не сейчас, — покачал Джон головой, — Отец Цайсбергер зовет всех. Может, после собрания, если будет время.

Иосиф был так взволнован, что готов был пуститься в пляс и возвестить всему свету: «Я иду на охоту!»

Но он постарался успокоиться и подсел к усталым переселенцам, которые собирались вокруг костра. Подложили еще поленьев, огонь вспыхнул с новой силой, и множество искр устремилось в небо.

При свете костра отец Цайсбергер открыл Библию и прочитал о том, как израильтяне шли через пустыню. История была знакомой, но сегодня она звучала по-новому. Теперь это было их историей — народ в диких местах, и нужно было полностью довериться Богу, не зная, что встретится на пути, но имея обетование нового начала в новой земле в конце их путешествия.

Отец Цайсбергер дочитал до конца, и брат Хекевельдер запел гимн. Пение подхватили все, и вместе с искрами от костра хвала Господу устремилась в небо. Как хорошо было здесь, среди творения Божьего, быть вместе и выражать Ему свое доверие песней хваления.

Когда закончили петь, воцарилось молчание. Никто у костра не хотел нарушить эту тишину.

Но вскоре родители взяли своих сонных детей на руки, и группа индейцев-христиан распалась, устраиваясь на ночлег. Иосиф вдруг вспомнил, что он почти целый день не видел Давида, и пошел искать его. Он нашел Анну Хекштайн, которая как раз готовила Давиду постель из мха под навесом, сделанным братьями. Но Давида здесь не было.

— Он у огня, — сказала Анна, приглаживая постель, чтобы не было неровностей. — Через несколько минут я принесу его.

Иосиф нашел Давида, сидящего у дерева недалеко от костра.

— Давид! — восторженно воскликнул он. — Как мне нравится здесь! Вот было бы здорово, если бы мы всегда жили в лесу и каждый вечер разводили костер. Знаешь, что случилось? Через несколько дней будет охота, и отец сказал, что я тоже могу пойти! Ты был прав — помнишь, ты говорил, что, наверное, весной он возьмет меня с собой?..

К удивлению Иосифа, Давид закрыл лицо руками и начал безудержно плакать. Неужели он сделал что-то не так? Нет, этого не может быть. Наверное, он плачет от боли.

Иосиф толком и не знал, что ему делать. Он еще никогда не видел Давида плачущим. «Впрочем, — гордо подумал он, — никакая боль в мире не сделала бы меня плаксой».

Но когда узкие плечи Давида сотрясались в отчаянии, Иосифу стало стыдно. У него еще никогда не было таких болей, какие Давид переносил изо дня в день. Он не должен осуждать своего друга.

— Этот день был для тебя слишком тяжелым, — приветливо сказал он и положил ему руку на плечи. — У тебя снова болит бедро?

Давид сердито стряхнул руку Иосифа. Он с силой подавил рыдания и неотрывно смотрел в огонь, пока он не начал гаснуть. Наконец он настолько успокоился, что снова мог говорить.

— Это не боли. Ты же знаешь, что я, так же, как и ты, не плакал бы из-за болей.

Иосиф чувствовал себя виноватым. Неужели Давид угадал его мысли?

— Но посмотри на себя, — продолжал Давид, — ты весь взволнован оттого, что примешь участие в охоте. Посмотри на других детей — они целый день смеются и бегают, смотрят за животными или что-то несут. А я? Моя мать должна нести меня на спине — я ненужный человек!.. нет, еще хуже — я не что иное, как бремя для моей матери и для всех вас.

— Но Давид, нет…

— Молчи, Иосиф! Я не вижу смысла во всем этом! Почему Бог сделал меня другим, не таким, как всех мальчиков? Ты можешь мне это сказать? Я желал бы, чтобы Он вообще не создавал меня! Я желал бы умереть.

Иосиф как будто онемел. Он еще никогда не видел Давида таким. Его друг был всегда таким терпеливым и спокойным. Что вывело его из равновесия?

Вдруг мальчики услышали другой голос.

— Может ли творение сказать своему Творцу: почему Ты меня сделал таким?

Это был отец Цайсбергер, который только что подошел к костру. Он повернулся к Иосифу:

— Иосиф, не оставишь ли ты нас одних? — Это больше было похоже на повеление, чем на просьбу. — Я должен побеседовать с Давидом.

Облегченно вздохнув, Иосиф повиновался.

— Мне очень жаль, Давид, — промолвил Иосиф

и быстро исчез в темноте леса, где отец как раз готовил постель на двоих.

Ночная борьба

Давид повесил голову.

— Отец Цайсбергер, вы теперь, наверное, плохо обо мне думаете, но я действительно так думаю! — гневно сказал он, — Это не просто слова. Почему Бог не дал мне умереть, когда со мной случилось несчастье в Филадельфии?

Отец Цайсбергер сел рядом с Давидом и прислонился спиной к дереву.

— Давид, разве Бог не имеет право поступать с нами не так, как хотим мы? Если Бог допускает нам страдания, то Он имеет на это основание или причину, я совершенно уверен в этом. Его собственный Сын страдал на кресте, и на это была серьезная причина: Иисус должен был совершить очень важное дело — единственное в своем роде. И я знаю, что наш Небесный Отец любит тебя, Давид. Если говорить точнее, возможно, ты один из немногих Его избранных, потому что Он доверил тебе нести такой тяжелый крест. У Него, видимо, есть для тебя важная задача, к которой Он тебя готовит, — или здесь на земле, или в небе.

Давид молчал. Какая задача? О чем здесь говорить? Он едва мог что-то сделать, не говоря уже о том, чтобы совершить для Бога какое-то большое дело.

— Но, Давид, я удивлен... ты обычно такой терпеливый и смелый. Я всегда восхищаюсь милостью, которую Бог дарит тебе. Что же такое случилось, что повергло тебя в уныние?

— Отец Цайсбергер, это все то же старое дело...

— Тогда объясни, почему ты так переживаешь об этом?

Все чувства, наполнявшие Давида, полились через край.

— Я знаю, но… еще никогда мне не было так тяжело, как сегодня. Дома я мог сидеть рядом с матерью и что-то делать руками. А здесь она должна нести меня. Милю за милей, как вьючное животное свой груз. И я ничем не могу помочь.

Давид почувствовал, что снова подступают слезы, но смог побороть их.

— Нет, Давид, — сказал отец Цайсбергер, — послушай-ка меня, пожалуйста. Твоя мать любит тебя после Бога больше всех. Я иногда переживаю, что она любит тебя больше, чем Бога, потому что она не хочет допустить, что Бог может забрать тебя у нее.

Давид кивнул. По крайней мере, отец Цайсбергер говорил правду, и от него не нужно было даже пытаться что-то скрывать.

— Но ты должен подумать вот о чем, — продолжал отец Цайсбергер, — то, что тебе кажется бременем, не является таковым для нее. Твоя мать с любовью заботится о тебе. Это приносит ей большую радость. Хотя для тебя это трудно, но для нее — нет, я верю в это всем сердцем, и ты тоже должен верить этому.

— И все же, — жаловался Давид в отчаянии, — я хотел бы умереть. И ей было бы легче, и мне тоже.

— Давид, это малодушие, — серьезно сказал отец Цайсбергер. Почему Небесный Отец допускает твои страдания, я не знаю. Но Он все делает нам во благо или во благо другим. Я верю, что Он готовит тебя для чего-то особенного. Подумай над этим, Давид. Держи глаза открытыми. И смотри в небо, где ждет тебя награда.

Эти слова разгневали Давида.

— Небо? Я бы с удовольствием пошел туда, но меня оставляют здесь, хотя я уже готов идти. Иисус забыл меня, — добавил он горько.

— Забыл тебя! — воскликнул отец Цайсбергер. — Иисус сказал, что Он никогда не оставит и не забудет тебя. Но... я вижу, что я не могу помочь тебе, Давид. Это сражение тебе нужно выстоять самому. О, слышишь, мама зовет тебя. Пойдем, я отнесу тебя к ней.

Отец Цайсбергер поднял мальчика на руки и отнес его к матери, которая уже приготовила постель. Он нагнулся под навес и положил его на постель из мха и мягких сосновых иголок, накрытую простыней.

— Давид, отдай все свои заботы Господу, потому что Он заботится о тебе, помни об этом.

Когда пастор ушел, Анна накрыла мальчика другой простыней и сказала:

— У нас нет света, чтобы почитать Библию. Расскажи для меня Псалом о добром Пастыре.

Давид внутренне воспротивился. Он готов был рассказать что угодно, только не это. Но он не хотел огорчить маму и заставил себя прочитать 22-й Псалом. «Господь — Пастырь мой, я ни в чем не буду нуждаться...».

Когда он закончил, Анна легла на постель, которую она приготовила для себя.

— Спокойной ночи, сынок. Если тебе что-то нужно будет ночью, то буди меня, я здесь, рядом с тобой.

Через несколько минут Давид услышал ее равномерное дыхание. Уставшая от долгой ходьбы, Анна тут же заснула.

Но Давид не мог заснуть. Он пытался не ворочаться, чтобы не разбудить мать. Но мысли, не пе-

реставая, кружились в его голове. В чем вообще смысл жизни? Почему Бог снова и снова сохраняет его от смерти, неужели только для того, чтобы оставить его беспомощным калекой?

Чем больше Давид давал место этим мыслям, тем больше в нем росла горечь. Они с матерью были в гостях у родных в тот страшный день, двенадцать лет назад, когда на их маленькое село, на берегу реки Махонай, напали и убили отца и всех жителей. Почему он и его мать остались в живых?

А затем в Филадельфии, восемь лет назад... Яростные крики возбужденной толпы, казалось, еще и сегодня набатом звучали в ушах Давида. Ему было тогда четыре или пять лет. Со страхом он сидел на спине матери, крепко вцепившись в нее, когда сотня индейцев-христиан искала дорогу к дому губернатора, потому что этот человек пообещал им защиту во время войны между англичанами и французами.

Каким-то образом мать с Давидом оторвались от основной группы. Жестокие руки вырвали его из рук матери и два бессердечных человека бросали кричащего мальчика друг другу как мешок картошки.

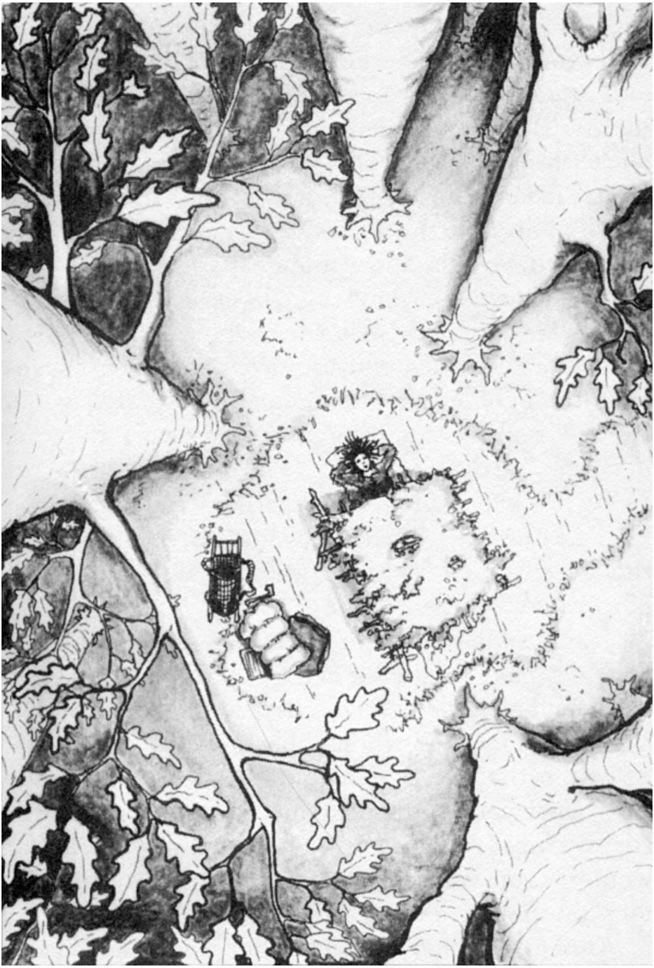
— Жалкое индейское отродье! — Вспоминал он эти злобные крики.

Его мать позвала на помощь. Вдруг все услышали громкий голос:

— Прекратите! Отдайте ребенка! — Крепкие руки подхватили его и перенесли в безопасное место.

Вот тогда и начались боли... с тех пор Давид больше не смог бегать.

Теперь он желал, чтобы тот сострадательный христианин, который спас его с матерью и заботился о них долгую зиму, заботился бы лучше о

себе, а ему дал бы умереть. Для чего нужна такая жизнь калеки?

Давид лежал, подложив руки под голову, и смотрел на вершины деревьев, которые образовали над ним купол. Когда ему было примерно девять

лет, он еще раз стоял у края смерти. Он заболел корью, и его мать с отцом Цайсбергером думали, что он умрет. Но в своем отчаянии они все же нашли врача, которому пришлось проехать на лошади много миль, чтобы дать ему лекарство, и потому он выжил. Почему? Он помнил, что в то время он был благодарен, что может еще жить. Тогда и солнце светило ярче, цветы выглядели прекраснее, деревья слаще благоухали, и мама казалась сияющей. Но эти чувства ушли теперь.

Все, чего он хотел, — это умереть.

Давид сжал кулаки. Слова отца Цайсбергера снова пришли ему на память: «Бог готовит тебя для большого дела» и «Ты не являешься для матери бременем». Он про себя повторил эти слова, и его кулаки начали постепенно разжиматься, но затем его снова объял стыд. Мать должна целый день нести его на спине, когда другие дети сами бежали через лес. Он! Мальчик двенадцати лет! Он сунул в рот одеяло, чтобы от ярости и отчаяния громко не закричать.

Как долго длилась эта жестокая борьба, Давид не знал. Он потерял счет времени. Весь лагерь лежал в глубоком молчании, только иногда слышались шорохи лошадиных или козьих ног. Ему было жарко, и он чувствовал себя вспотевшим даже в прохладном ночном воздухе. Влажные волосы прилипли ко лбу.

Так он лежал и слушал равномерное дыхание матери, и тут ему пришел на память любимый Псалом Анны: «Призови Меня в день скорби; Я избавлю тебя, и ты прославишь Меня».

Сделал ли он это? Нет… но зачем? Бог не может же сделать его снова здоровым. Дни знамений и чудес прошли… или нет? Что пользы взывать к Богу о помощи, если помощь не придет?

Снова в голове прошли строчки из знакомого Псалма: «Возложи на Господа заботы твои, и Он поддержит тебя». Ну, это было что-то другое. Если Бог не возьмет его бремя, то Он хотя бы поможет Давиду нести его.

Затем он вспомнил пожелание на ночь отца Цайсбергера: «Возложи все заботы на Него, ибо Он печется о нас».

Он печется о тебе... Он печется о тебе...

Слова звучали так утешительно. Неужели Бог действительно любит его и заботится о нем?

Затем, казалось, другой голос начал шипеть ему на ухо: «Нет! Бог не любит тебя! Он не заботится о тебе! Посмотри на свои бедные хромые ноги! И не забудь о болях день и ночь...».

У Давида было такое чувство, как будто его разрывают изнутри.

— О Боже, помоги мне! — воскликнул он наконец.

Анна что-то пробормотала во сне и повернулась на другой бок. Неужели он громко сказал? Он был не совсем уверен, но в то время, когда он лежал, ожидая, что дыхание матери снова станет равномерным, удивительный покой наполнил его сердце. Казалось, он распространился по всему телу, напряжение ушло, забрав с собой ярость и горечь. Борьба закончилась. Давид все еще не получил ответа на свои «почему», но Бог облегчил его ношу.

— Иисус Христос, да будет во всем Твоя воля.

И тогда Давид заснул.

Охота

Давиду почудилось, что кто-то позвал его имя. Он открыл глаза. Какой-то мужчина стоял возле его постели, но удивительно, Давид совсем не испугался. Волосы мужчины спадали до плеч, он носил длинное одеяние, похожее на короткую накидку индейцев. Он ничего не говорил. Он протянул к Давиду Свои руки — и Давид увидел следы от гвоздей на Его ладонях.

— О! — воскликнул Давид, — это Ты сделал для меня, правда? Ты же любишь меня…

— Давид, — сказал смеющийся женский голос, — проснись! Конечно, я люблю тебя… да, и я принесла тебе на завтрак землянику. Теперь садись и ешь.

Давид открыл глаза. Его мать наклонилась над ним и смеялась, держа в одной руке кружку молока, а в другой землянику.

Давид удивленно сел. Он чувствовал себя таким усталым. Он вспомнил долгую борьбу ночью, и как Иисус пришел к нему… или это было только сном?

— Ну, давай садись, Давид, выпей молока и попробуй ягоды, которые я сегодня утром нашла. Этот завтрак лучше, чем у царя, — шутливый голос матери полностью разбудил его.

Солнце еще не совсем взошло, но уже весь лагерь был на ногах. Все были заняты сбором в путь. Давид не был голоден, но из любви к матери съел свежие ягоды. Они были прохладными и сладкими на вкус. Козье молоко было теплым.

— Привет! — сказал чей-то приветливый голос. — Как у Давида дела сегодня утром?

Загорелое лицо и сверкающие глаза показались из-под одеял, накинутых на несколько деревьев, образуя навес. Это была Марта Хохберг, вдова с двумя маленькими дочерьми, ночевавшая недалеко от них. Она держала в руках чашку горячего чая.

— Ты выглядишь... — Марта внезапно остановилась и испытующе посмотрела на него. — Давид, ты что-то очень бледный, но выглядишь счастливым.

Вдруг Давид понял, что она права. Он был еще уставшим после бессонной ночи, но счастье наполняло его.

— Ну, во всяком случае, — продолжала Марта, — я принесла тебе чашку травяного чая. Он будет полезным для тебя.

— Ах, нет, — быстро сказал Давид. — Лучше дай его моей маме. Ей он нужнее, чем мне.

— Нет, спасибо, — запротестовала Анна. — Я уже позавтракала прежде, чем ты проснулся. Давид, поблагодари Марту и пей чай.

Давид медлил. Все хотели постоянно помогать ему и делать доброе для него. Почему для него, а не для матери, которая всем жертвовала ради него?

Но в этот момент внутренний голос, казалось, сказал ему: «Не твоя воля, Давид, а Моя».

Он благодарно кивнул, взял чашку крепкого чая и отпил из нее. Как хорошо!

Когда Анна и Марта нагрузили лошадь, которая везла их вещи, к ним подошел один из пожилых мужчин, который вел почти такую же старую лошадь.

— Сестра Анна, — весело сказал он, подмигивая темными глазами. — Пусть твой сынок проедет часок на моей лошади. В это прекрасное утро я хочу немного пройтись пешком.

— Спасибо, брат Амос! — поблагодарила Анна. — Я думаю, что такая перемена будет на пользу Давиду.

Давид был рад, что его мать немного отдохнет от него, и к тому же со спины лошади он мог видеть почти весь караван. Но когда прозвучал сигнал к отправлению, и все двинулись в путь, Давид быстро понял, что покачивающаяся походка лошади вызывает острые боли в бедре. Он стиснул зубы, надеясь, что привыкнет. Но вскоре застонал:

— Мама! Я больше не могу!

От боли у него закружилась голова, и он соскользнул с лошади.

Быстро подскочив, Анна успела поймать его, прежде чем он упал на землю. Она снова посадила его в корзину на спину, и тема верховой езды для Давида была закончена.

Давид со стыдом думал: «Бог хочет испытать меня. Я даже не могу часок посидеть на лошади, чтобы дать матери отдохнуть!» Но внутренний голос, казалось, говорил ему: «Не твоя воля, Давид, а Моя».

Он вздохнул. Он ничего не мог изменить. Он должен был отдать свое бремя Иисусу.

Стоял прекрасный июньский день. Склоны гор были покрыты множеством цветов, и маленькие девочки Марты Хохберг бегали взад и вперед, раздавая маленькие букетики всем бабушкам. После короткого обеденного отдыха к ним подошел Джон Майер, молодой онандага-ирокез. Он был высоким, симпатичным, когда он смеялся, его белые зубы блестели.

— Сестра Анна, — сказал он громко, — дай я немного понесу Давида. — Быстрым движением он забросил корзину на широкую спину. — Ну, Давид, как тебе, хорошо?

— О, да, — ответил Давид и помахал матери на

прощание, в то время как Джон большими шагами пошел вперед. — Ты очень сильный.

— Мне стыдно, что я еще раньше не предложил понести тебя, — признался Джон. — Твоей матери иногда нужен отдых.

Несмотря на покой в сердце после ночной борьбы, голос Давида дрожал, когда он спросил:

— Ты думаешь, что моя мама сильно устает, когда несет меня?

Джон ответил не сразу. Затем сказал:

— Давид, ты такой легкий, что я мог бы целый год носить тебя, не уставая. Мама твоя женщина и, наверное, для нее это не совсем легко. Но не переживай, Давид. Нас здесь много: Сиф, Джеймс, Авель и я — все крепкие мужчины. Мы будем меняться, чтобы твоя мама не сильно уставала. Так пойдет?

Давид с трудом верил тому, что он слышал.

— Ах, Джон! Бог так любит меня. Он сказал, что Он обо всем позаботится. Моя молитва услышана.

Освободившись от тяжелого бремени, Давид быстро уснул. Когда он проснулся, его с радостью взял Авель, потом Сиф и Джеймс. Молодые братья отдали его матери только тогда, когда перед заходом солнца настало время разбивать лагерь на ночлег.

Анна поднесла Давида в одеяле ближе к костру, чтобы он согрелся, пока она будет варить. Давид Цайсбергер шел мимо и испытующе посмотрел на мальчика.

— Ты выглядишь совсем по-другому, чем тот мальчик, которого я оставил вчера вечером, Давид Хекштайн, — пошутил он.

— Ах, отец Цайсбергер, — начал взволнованно рассказывать Давид. — Иисус приходил ко мне

прошлой ночью. Он показал мне Свои руки. Я знал, что Он умер, потому что любит меня. И тогда я узнал, что твои слова были истинны. Бог отдал

Своего Сына на страдания, чтобы нам было хорошо. Значит, если я должен страдать, то не потому, что Он не заботится обо мне.

— Так точно, Давид, — сказал Цайсбергер, — Нужно доверять Ему. Это то, что дает мир твоему сердцу. Никогда не сомневайся в том, что Он любит тебя.

— Да, этого больше никогда не будет, — пообещал Давид. — Никогда больше. Но я все же спрашиваю себя…

— О чем?

— Был ли это только сон?

— Может быть, — искренне ответил Цайсбергер. — Но иногда Бог посылает сон, чтобы утешить нас.

Давид серьезно кивнул. Но у него было еще что-то на сердце.

— Как я узнаю, что у Бога есть для меня какое-то дело?

— Ах, вот что! Не переживай об этом, Давид. Иногда Бог употребляет нас так, что мы этого вообще не замечаем. Будь тверд в уповании на Него и слушайся Его голоса в твоем сердце, тогда ты исполнишь все, что поручит тебе Бог.

* * *

Иосиф видел, как отец Цайсбергер снова разговаривает с Давидом у костра. Он удивлялся тому, что случилось. Почему в прошлый вечер Давид был вне себя? Сегодня, казалось, опять все в порядке… но он снова разговаривал с пастором. Одна из причин, почему Иосиф так охотно был вместе с Давидом, была в том, что мальчик никогда не обращал внимания на то, что он не мог бегать. Он просто принимал это как должное и всегда с интересом слушал рассказы о приключениях Иосифа и других мальчиков.

Теперь Давид очень часто разговаривал с отцом Цайсбергером. Иосиф почувствовал, как в нем поднимается раздражение. Он так хотел рассказать Давиду о чужих индейцах, которых видел сегодня в лесу. Где-то промелькнула тень, треснула или упала ветка… А один раз он точно видел воина-ирокеза на выступе скалы. Он быстро обернулся, чтобы посмотреть, обнаружил ли этого человека кто-нибудь из мальчиков, сопровождающих стадо. Но когда он снова повернулся, его уже не было видно.

Может быть, рассказать об этом отцу или отцу Цайсбергеру? Но… он был не совсем уверен в том, что он видел. А вдруг они посмеются над ним и скажут, что у него очень развита фантазия? И притом, если даже их и преследуют, то до сих пор воины не причиняли им никакого вреда, никому не угрожали. Может, они охраняют караван, ведь они двигаются очень медленно, потому что с ними стадо животных, а также женщины и дети?

— Иосиф! — громкий голос Джона Майера прервал его размышления. — Твой отец сказал мне, что ты через несколько дней пойдешь с нами на охоту. Хорошо! Ты не хочешь поупражняться стрелять из лука, пока еще светло?

Иосиф вскочил.

— Джон, правда? — воскликнул он. — Я с удовольствием. Но я должен вначале спросить моего отца.

— Уже сделано, — засмеялся Джон. — Знаешь, я бы не осмелился нарушить планы Джона Сабоша в отношении его сына. Но он одобрил эту идею.

Иосиф быстро нашел свой лук со стрелами и побежал за Джоном.

Следующие несколько вечеров, после того, как заканчивалась вся работа в лагере, Джон и Иосиф

занимались стрельбой из лука. Однажды вечером, когда они только что вернулись, Джон Сабош, который как раз чистил ружье, поднял голову и спросил Майера:

— Ну, Джон, как ты думаешь, мальчик готов к охоте?

— Он даже позаботился об ужине, — засмеялся Джон Майер, и Иосиф гордо поднял зайца, которого подстрелил из лука. — Но ему уже пора дать лук побольше, такой, как у мужчин.

— Хорошо, — довольно улыбнулся Джон Сабош. — Охота запланирована на завтра. Джон, ты скажи Авелю, Джеймсу и Сифу, чтобы они были готовы до восхода солнца. Нам нужны все хорошие охотники.

Иосиф был так взволнован, что долгое время не мог заснуть. Когда же он, наконец, забылся сном, то, кажется, прошла всего одна минута, а отец уже теребил его за плечо, и нужно было вставать.

Братья рассудили, что главный караван пойдет дальше в западном направлении с отцом Цайсбергером и братом Хекевельдером. Группа охотников, примерно дюжина мужчин и четверо старших мальчиков, хотели пойти с Джоном Сабошем на юг, затем на запад и север и к вечеру вернуться в лагерь.

Когда Иосиф с другими охотниками крался по лесу, заботясь о том, чтобы нечаянно не наступить на сухую ветку или листья, ему казалось, что он лопнет от радости и гордости. Еще солнце не поднялось на небо, а он уже пристрелил куропатку и двух белочек, но никто еще не нашел большого зверя. Но, несмотря на это, никто не унывал. Они пообедали черным хлебом и сыром, улыбаясь и подшучивая друг над другом. Все хотели как можно скорее продолжить охоту.

После обеда они разделились на две группы. Иосиф с отцом пошли по следу оленя вниз в каменное ущелье. И на самом деле — за маленькой речушкой стоял сильный молодой олень.

«Стреляй, отец, стреляй», — думал Иосиф. Но Джон Сабош протянул ружье ему. Иосиф округлил глаза. Без слов он схватил ружье. Отец обнял его. Медленно, очень осторожно, он показал ему, как нужно целиться. И тогда Иосиф нажал курок. Отдача от выстрела оттолкнула Иосифа назад, но он услышал, как отец крикнул:

— Попал!

Пока Джон Сабош разделывал оленя, Иосиф поискал охотников, чтобы кто-нибудь помог нести зверя. Вскоре Джон Сабош и Авель вышли из ущелья, неся на плечах оленя, ногами привязанного к палке. Дорога через лес была трудной. Иосиф шел перед ними, все еще полный восторга от этого события — он убил своего первого оленя, и отец только чуть-чуть помог ему при этом.

Незаметно он опередил группу и подумал, что будет лучше подождать других. Он вложил стрелу в лук и встал, как будто хотел стрелять, и тут увидел зайца. Он сосредоточенно прицелился и выстрелил! Заяц без движения лежал на земле.

— Прекрасный выстрел! — восхищенно проговорил кто-то позади него.

Иосиф круто обернулся.

Это был Опече, могиканин.

Воскресный вор

Могиканин стоял неподвижно на солнечной просеке. В его длинных прядях торчали соколиные перья. В ушах болтались серебряные сережки. На нем была кожаная одежда с бахромой, на бедрах — фартук, а на ногах — плетеные мокасины. Грудь была голая, на шее виднелись разные жемчужные шнуры и серебряные цепочки, а на руках — повязки, украшенные жемчугом.

Сердце Иосифа неистово стучало. Откуда он только взялся?

— Да, хороший, чистый выстрел, — сказал Опече. — Ты когда-нибудь станешь хорошим охотником, Иосиф Сабош. Жаль только, что ты живешь с людьми, оставившими охотничью жизнь. Вместо этого полют кукурузу, как женщины.

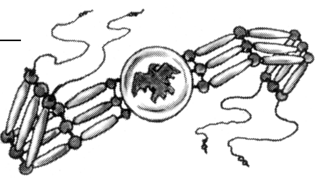
— Мы охотимся, как ты видишь, — сказал Иосиф сдержанно.

Он был польщен похвалой Опече и не хотел, чтобы могиканин плохо отзывался об индейцах-христианах.

— Я рад, что вы еще не оставили все индейские обычаи, — с насмешкой произнес могиканин. — Расскажи, Иосиф, мой мальчик, веришь ли ты этому христианскому Богу и полностью ли принимаешь жизнь этих белых миссионеров?

— Да, я думаю, — заикаясь, проговорил Иосиф. — Я думаю, что верю, хотя не всегда со всеми согласен.

— Ну да, это хорошо, — согласно кивнул Опече. — Молодой человек должен иметь свое мнение. Мальчик, мы должны чаще

беседовать. У нас может быть больше общего, чем ты думаешь. Почему мы не должны…

В этот момент Иосиф услышал далекий зов. Он повернул голову в том направлении. Было похоже, что кричит Джон Майер.

— Мне нужно идти, — сказал он и повернулся к Опече, но тот уже исчез.

Иосиф поднял своего зайца и побежал в том направлении, откуда слышался голос Джона.

— Я убил медведя, — счастливо засмеялся Джон, когда Иосиф подошел к нему. У его ног возвышалась черная гора шерсти. — Быстрее найди когонибудь, чтобы нам отнести его домой.

* * *

Охота была в разгаре, когда им пришлось вернуться в лагерь. На этот раз стоянку разбили раньше, чем обычно, так как знали, что после охоты будет дополнительная работа. С помощью многих рук быстро разделали и поделили трофеи. Всего убили пять оленей, одного медведя, много зайцев, куропаток и белок.

В этот вечер горело много маленьких костров, на которых готовился праздничный ужин. С разрешения отца Иосиф пошел к костру Анны Хекштайн и гордо предложил куропатку, которую он сам застрелил.

— Чудесно, Иосиф! — счастливо ликовал Давид. — Я знал, что ты будешь хорошим охотником. Ах, мама, побыстрее поджарь ее, я едва могу дождаться, чтобы попробовать.

Анна была очень удивлена. Давид в последнее время совсем не проявлял интереса к еде. Довольная, она взяла птицу.

— Иосиф, но ты должен остаться здесь и поесть с нами, — убедительно сказала она.

— Тогда освободите место у вашего костра еще для одного гостя, — прозвучал громкий голос Джона Майера и он подал Анне большой кусок медвежьего жаркого. — Мне жаль, что я не мог сегодня помочь нести Давида, — сказал он. — Я хочу поделиться с вами моей добычей — это самое малое, что я могу сделать.

Джон сел между двумя мальчиками, а Анна начала чистить птицу.

— Ах, Давид, — возбужденно начал Иосиф, — если бы ты был с нами. Я еще никогда не переживал такого.

Он описал, как он из отцовского ружья убил оленя, а куропатку и зайцев — из собственного лука.

— Отец сказал, что я хорошо показал себя на первой охоте. И я знаю точно: я буду охотником и никем другим.

— Тогда, — немного помолчав, сказал Джон Майер, — ты должен будешь оставить нас.

— Почему? — спросил Иосиф. — Что ты имеешь в виду?

— Разве ты не знаешь, что говорят наши учителя? Охотничья жизнь отрывает мужчин от семейной жизни. Жить только от охоты означает почти всегда, что горшок или переливается или совсем пустой. Лучше оставаться дома и заботиться об урожае и семье. И это оправдало себя. Например, последней зимой приходили воины и охотники из других племен, чтобы просить у нас пшеницы, чтобы выжить!

— Джон, но ты ведь тоже любишь охоту, не правда ли? — пытался убедить его Иосиф. — Разве ты не был счастлив, когда ты сегодня убил медведя? Я еще никогда не видел тебя таким довольным.

— Да, я охотно иду на охоту, — подтвердил Джон. — Но это не значит, что я оставлю все остальное и

буду только охотником. Помнишь, сколько было работы, когда строили село Мирные Дома, чтобы все имели крышу над головой, а пищи хватало на целый год?

— Ну, я по горло сыт этой жизнью! — вырвалось у Иосифа. — Это женская работа — полоть кукурузу и кормить свиней, и я ненавижу ее.

Иосиф высказал то, что было у него на сердце. Давид испуганно смотрел на него, но Иосифа уже невозможно было остановить.

— В других селах ты не увидишь мужчин, которые бы пололи огород, как женщины.

— Нет, не видел, — Джон приподнял брови, — но никакое другое село не имеет такого покоя и изобилия, как мы. Мне кажется, что кто-то вложил в твою голову эти глупые идеи. Скажи-ка, кто?! — и вдруг он вспомнил. — А с кем это ты сегодня после обеда разговаривал в лесу? Я заметил, что ты с кем-то стоял, когда я позвал тебя, чтобы ты помог мне с медведем. Я был так занят, что даже не спросил, кто это был.

Иосиф отвернулся и не ответил. Он считал, что Джон слишком любопытен. Какое ему дело до всего этого?

— Ну, говори, Иосиф, кто это был? — настаивал Джон.

Иосиф заметил, что попал в ловушку. Если он не скажет правду, то все подумают, что случилось что-то плохое, хотя ничего такого не было.

— Это был Опече, могиканин, — пробормотал он. — Он был в доме Давида за день до нашего отправления. Он знает мое имя и заговорил со мной.

— Кузен моей матери? — спросил Давид нахмурившись. — Что он ищет здесь, в лесу? С ним еще кто-нибудь был?

Джон задумался.

— Если он уже пять дней следует за нами, то у него наверняка на уме недоброе. Значит, это он сказал тебе, что полоть кукурузу — женская работа? Я думаю, что он сказал тебе еще, какой ты прекрасный стрелок и что ты станешь отличным охотником.

— Ну, хотя бы! — взорвался Иосиф. — Может быть, он сказал правду!

— Ты еще никогда не слышал про мальчика Еноха, который возвратился к языческим обычаям? — спросил Джон. — Это случилось перед тем, как я пришел к индейцам-христианам. Но я был здесь, когда он возвратился — жалкий человек.

— Ах, Иосиф! — умоляюще сказал Давид. — Моя мама вообще не доверяет Опече, и ты не делай этого. Он и Серебряный Нож завидуют нашему христианскому селу. Пожалуйста, не разговаривай с ним.

— Но если кто-то хочет говорить со мной, я должен вежливо ответить, — пробурчал Иосиф. — Я могу говорить с кем хочу. Нет такого закона, который бы запретил это.

В этот момент Анна позвала всех к столу. Иосиф был рад, что этот разговор прекратился. Что вообще знают Джон и Давид про Опече? К тому же он был уставшим после долгого дня на свежем воздухе.

Поджаренная Анной куропатка светилась золотистой корочкой. И притом она положила каждому на тарелку вместе с кукурузным хлебом сочное медвежье жаркое. Пока все ели, они должны были рассказать Анне все охотничьи истории, и скоро уже все смеялись и говорили наперебой. Но Иосиф был рад, что об Опече больше не вспоминали.

* * *

На следующий день было воскресенье, день отдыха для усталых переселенцев. Когда закончили работу

с животными, брат Хекевельдер позвал всех на богослужение на маленькую просеку вблизи лагеря. В прошлую ночь прошел дождь, и вокруг все было немного влажным. Но взрослые принесли с собой одеяла, чтобы сесть на них, поэтому небольшая сырость никому не мешала.

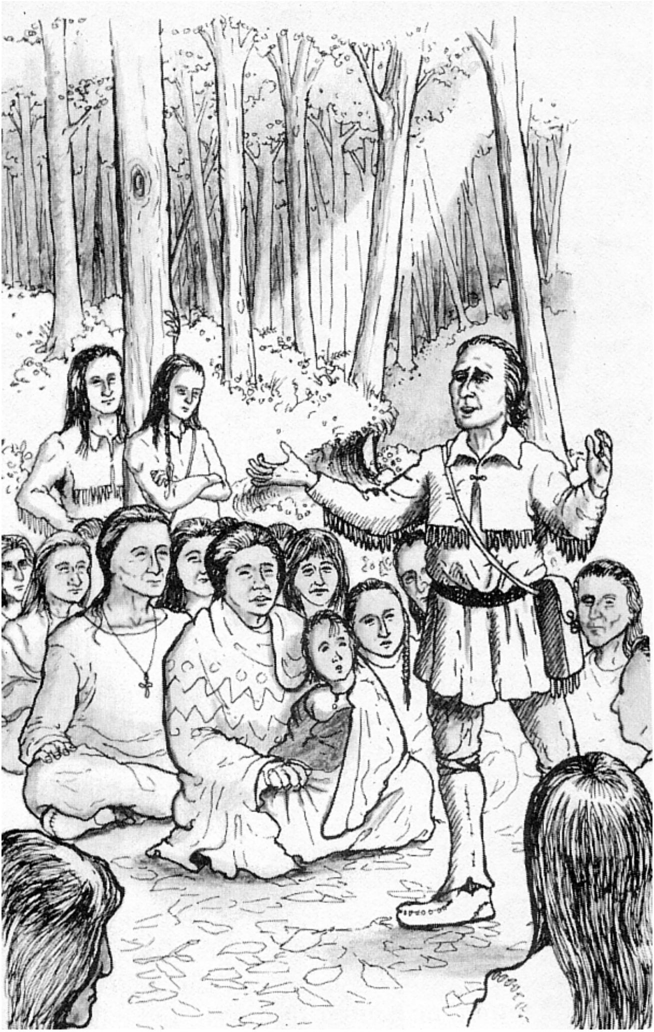
Когда зазвучали знакомые песни, Иосиф про себя улыбнулся. Как хорошо здесь на природе прославлять Бога! Он знал, что многие печалились, оставив хорошую церковь в селе Мирные Дома. С ней было связано так много добрых воспоминаний: сколько людей покаялись там, а сколько было свадеб и благословений детей!.. Трудные времена тоже укрепляли их веру. Смерть одного из членов церкви напоминала им о вечной жизни. Если их отягощали болезни и другие трудности, они собирались вместе, чтобы в долгие ночи молиться Богу и прославлять Его.

Иосиф тоже немного печалился, когда пришлось оставить обжитые места — прежде всего могилу матери. Но путешествие, жизнь на природе приносили столько нового и интересного, что даже старая повседневная работа воспринималась совсем по-иному. И поклоняться Богу под крышей из веток и листьев казалось проще... и в то же время правильнее.

Мысли Иосифа были прерваны отцом, который подтолкнул его:

— Иосиф, не мечтай, — вывел его из раздумий отец. — Послушай, что говорит брат. Это очень важно.

Брат Хекевельдер проповедовал из послания к Евреям о жертве Христа, которая действительна во все века. Брат Хекевельдер был очень мудрым, но его совсем нелегко было слушать. Иосиф вздохнул. Он попробовал сосредоточиться, но какая-то тень между деревьями отвлекла его

внимание. Он пристально смотрел на деревья, но не мог ничего обнаружить. И все же вскоре он опять заметил какое-то движение.

Может, это какой-то зверь или белка? Нет, эта тень возникла не случайно. Может, ирокезы шпионят за ними? Если да, то зачем? С первого дня Иосиф видел, как появлялись и исчезали эти тени, иногда он замечал их у края дороги. И хотя Джон Майер в последний вечер говорил, что у Опече не может быть ничего доброго на уме, эти тени еще не сделали им ничего плохого. Если бы он всем рассказывал о своих подозрениях, то все бы только разволновались без основания.

Все время после обеда Иосифа не покидало беспокойство. Ему хотелось пойти в лес и посмотреть, что там делается, но отец не разрешал ему оставлять лагерь. Чтобы скоротать время, он стал вырезать себе ручку для ножа. Может, отец поможет ему купить настоящий стальной клинок у торговца в Огайо, если торговцы вообще пробираются так далеко на запад.

Вечером, когда маленьких детей уложили спать, все еще раз собрались на богослужение вокруг большого костра. На этот раз в собрании мог участвовать каждый, прославляя, благодаря или молясь Богу.

Иосиф отрешенно смотрел на огонь. Пение и голоса людей звучали утешительно и доверчиво, но он почти не слышал их. Вдруг он заметил, что отец Цайсбергер рассказывает историю из своего детства.

— ...как раз пять, — только что сказал он. — Мои родители, Давид и Розина Цайсбергер, бежали из Моравии и при содействии графа Цинцендорфа нашли убежище в Саксонии. Я не понимал многого из того, что происходило. Оказывается, государственная церковь причислила учение богемских братьев к особо опасным, еретическим.

Иосиф прислушался. Эту историю он еще не слышал.

— Объединенные братья, или богемские братья, как нас иногда называли, были уже многие годы гонимы и рассеяны. Но все больше христиан находили дорогу к графу Цинцендорфу. Там была образована церковь под названием Гернгут, что означает «под защитой Господа». К 1726 году церковь выросла до трехсот человек, и среди них были лютеранские пиетисты — бывшие католики, сепаратисты, реформисты и анабаптисты.

Иосиф был бы рад, если бы отец Цайсбергер не использовал такие длинные слова. Он понял так: эти «племена» соединились в мирный союз так же, как онейды, онондаги, сенеки и другие в союз ирокезов.

— Но граф Цинцендорф хотел не только организовать безопасную христианскую церковь. Он хотел дать людям образование, чтобы распространять Евангелие прежде всего среди тех людей, которые переносят гонения и притеснения. Когда мне исполнилось пятнадцать лет, мои родители были посланы в Новый свет, так называли в то время американский континент. Они должны были распространять добрую весть об Иисусе Христе и основывать церкви. Вначале меня оставили дома, но это уже другая история. Главное то, что через год я вместе с родителями был здесь, в Северной Америке, и с тех пор эта земля и ее люди — моя земля и мой народ.

Все с интересом слушали его. История жизни отца Цайсбергера соединилась с их собственной.

— Так как мы не признаём насилие и убийство, даже ради защиты собственной жизни, и так как мы учим, что все люди — братья и сестры, то нас снова преследуют, даже так называемые христиане, которые считают национальные и политические интересы выше нашего братского общения.

У костра послышались одобрительные возгласы.

— Есть опасность, что у нас возникнет жалость к себе, — заметил отец Цайсбергер, — ведь белые поселенцы снова изгоняют нас из родных мест, к тому же продолжаются войны между различными индейскими племенами, французами и англичанами. Но это старая история: Иисус Сам сказал, что Ему негде было голову приклонить. Мы должны утешаться той мыслью, что наша родина там, где двое или трое собраны во имя Его. Может случиться так, что мы никогда не найдем покоя, пока не будем в небе.

Было уже поздно. Все вместе спели благодарственный гимн, и отец Цайсбергер помолился. Молодые люди быстро встали, чтобы проверить, все ли в порядке в лагере. А другие в это время разговаривали и смотрели, как медленно затухает костер.

Но через несколько мгновений с дальнего конца лагеря раздался крик, и к костру подбежали Джон Майер и Авель.

— Лошади! Украли пять лошадей! И из наших запасов тоже кое-чего недостает.

Опече

Поднявшись с земли от костра, мужчины гневно переговаривались.

— Подождите, братья! — воскликнул отец Цайсбергер и поднял руку, успокаивая их. — Джон, вы уверены в том, что их украли? Может быть, они просто оторвались?

Джон Майер показал всем кусок ремня, разрезанный ножом.

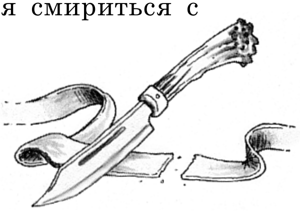
— Ты видишь, отец Цайсбергер, — гневно закричал Авель, которому исполнилось только двадцать лет, и он, к сожалению, часто действовал необдуманно, — это ирокезы, которые следят за нами. Я думаю, что нужно сейчас же послать группу на поиски, чтобы вернуть наших лошадей.

«За нами следят не только ирокезы...» — думал про себя Иосиф.

В гуле голосов слышалось одобрение.

— Он прав. Они еще не успели уйти слишком далеко.

— Братья, успокойтесь, — строго сказал отец Цайсбергер. — Неужели вы думаете, что ирокезы, если это действительно они украли лошадей, отдадут нам их без боя? Нет! Лучше потерять что-то из того, что принадлежит нам, чем иметь раненых или убитых. К тому же они могут вынудить нас самих убивать. Этой ночью мы поставим охрану, а на этот раз нам придется смириться с потерей.

Все знали, что он прав, но Авелю и некоторым молодым людям трудно было с этим согласиться. Воровство пяти лошадей

было большой потерей для переселенцев. Теперь другим лошадям придется везти больше груза, да еще и тяжелые земельные орудия. Но, вняв совету своего пастора, на следующее утро церковь благодарила Бога, что не нужно оплакивать убитых, и что они все еще в пути на запад.

* * *

Джон Майер и другие молодые люди сдержали слово и сменялись, чтобы нести Давида, так что Анне теперь приходилось нести его очень редко. Вначале она всегда старалась идти рядом, бдительно наблюдая за сыном. Но молодые братья были очень осторожны, поднимая и неся мальчика, так что через несколько дней она уже не переживала и спокойно шла рядом с подругами, зная, что ее сын в добрых руках.

Давид тоже радовался, что он не был больше обузой для матери, и наслаждался во время путешествия общением с молодыми братьями. Казалось, что и им нравилось быть вместе с Давидом, и они иногда соревновались друг с другом, кто первый его рассмешит.

Но Давиду в эти дни редко хотелось смеяться. У него просто не было на это сил. Он был уже доволен и тем, что мог положить голову на крепкие плечи несущего его брата, наслаждаясь красотой леса. Вечером он рассказывал матери о детеныше косули, которого он обнаружил за кустом, или о дятле, стук которого слышал во время обеденного отдыха.

Дорога становилась все более трудной и непроходимой. С пути нужно было убирать поваленные деревья. Иногда приходилось подниматься вверх по каменистым осыпям. Для десятка мужчин

это не было бы трудным, но группе в сто пятьдесят человек, среди которых были женщины и дети, старицы и младенцы, вместе с различными домашними животными — лошадьми, коровами и козами, можно было только медленно продвигаться по густому лесу.

Хотя Давиду очень нравилось общение с молодыми носильщиками, все же он был особенно благодарен, когда отец Цайсбергер задерживался у их костра, чтобы узнать о его самочувствии и о матери. Давид считал, что он всегда должен выглядеть радостным, даже если он уставал или был печальным. Но перед отцом Цайсбергером бесполезно было делать веселый вид.

— Давид, как у тебя дела? — спросил пастор как-то вечером, когда Анна собирала мох и еловые иголки для постели Давида. — Я никогда не слышу твоих жалоб, но твоя мать жалуется, что у тебя плохой аппетит.

Давид пожал плечами.

— Я знаю, что она расстраивается, если я плохо ем. Но... мне так нравится это путешествие. Ни один день не похож на другой. Вчера, например, Джеймс переходил со мной речку, и в конце ему пришлось плыть со мной на спине. Вот это было интересно!

Давиду стало смешно, когда он вспомнил о том, как холодная стремительная вода вдруг покрыла его по горло.

Тут он заметил, что Цайсбергер все еще испытующе смотрит на него. Смех исчез.

— Когда мне так больно, что хочется плакать, тогда я крепко держусь моего Спасителя и не отпускаю Его день и ночь. Я знаю, что Иисус со мной. Он идет со мной везде, куда я должен идти.

— Должен? Разве у тебя нет своих желаний?

Откуда отец Цайсбергер знал о том, что у него есть желание, которое горело в нем? Давид сам едва осмеливался думать о нем, потому что он боялся, что оно не отвечает воле Божьей.

— Ну, да, — нерешительно признался он, — у меня есть одно желание… но я хочу, чтобы Господь Сам решил, нужно ли мне это.

— Ну, Давид, давай дальше. Скажи мне.

— Ну, — тихо сказал мальчик, — я очень хотел бы прожить так долго, чтобы вместе с вами войти в обетованную землю. Мы прошли уже так много, и теперь не увидеть ее… — ему тяжело было выразить в словах возможное разочарование. — Отец Цайсбергер, как ты думаешь, это сбудется?

Пастор задумчиво склонил голову.

— До сих пор ты осилил эту дорогу. Я не вижу препятствий в том, чтобы твое желание не исполнилось. Но если Бог имеет другие планы, Давид, будешь ли ты так же готов пойти на небо?

— Да, я думаю, да, — кивнул серьезно Давид. — Готов и с желанием. Но будет ли правильно просить Его, чтобы Он позволил мне увидеть перед смертью нашу новую родину?

— Можешь смело просить, — кивнул головой отец Цайсбергер. — Да исполнит Бог желание твое!

Оба молча сидели рядом с маленьким костром, который трещал, рассыпая искры. И тут Давид сказал:

— Помнишь, как ты говорил, что Бог приготовил для меня особенную задачу, и готовит меня к этому, иначе Он не возложил бы на меня столько испытаний?

— Да, я помню, — кивнул пастор.

— Ты сказал — какое-то дело на земле или на небе. — Давид остановился и задумался. Он действительно хотел исполнить волю Божью, но это так тяжело — быть беспомощным. — Я думаю, что

это дело будет на небе. Кажется, нет ничего, что я смог бы сделать на земле.

— Действительно ничего?

— Ну да, я пытаюсь быть для матери хорошим сыном, но это и все.

— Нет, это не все. Прежде всего, ты для матери — самая большая радость. Кто может измерить это? Только мать, сын которой страдает, может почувствовать, какой это большой подарок. Во-вторых, ты можешь служить Богу тем, что любишь Его и полностью доверяешь Ему.

— Но это же так просто, — запротестовал Давид. — Это же не труд.

— Нет, Давид, — отец Цайсбергер покачал головой. — Самый тяжелый труд для многих людей состоит в том, чтобы любить Бога и доверять Ему всю свою жизнь.

* * *

Иосиф слышал рядом с собой равномерное дыхание своего отца, сопровождаемое тихим храпом. Сегодня усталые путешественники разбили лагерь после трудного пути. Они не так уж много смогли пройти в этот день. Но Иосиф не устал. Подъемы и спуски, непроходимые дебри не пугали его. Словно бросая вызов трудному пути, он сосредоточивал свои силы, его мускулы становились крепче, и он мог идти целый день, не уставая.

Он встал и решил обойти вокруг лагеря. Может быть, от этого он устанет. Он знал, что каждую ночь после воровства двое-трое мужчин спали за лагерем, где были привязаны лошади, и еще двое — у остальных животных. Иосиф не хотел, чтобы его приняли за вора, поэтому отошел поглубже в лес и шел, вдыхая теплый лесной воздух.

Хотя через вершины деревьев светила луна, Иосиф не увидел человека, вышедшего из-за дерева. Он почти столкнулся с ним и так испугался, что чуть не вскрикнул, но мужчина приложил палец к губам, а другой рукой дружелюбно приветствовал его. Иосиф вышел на освещенное луной место и узнал это лицо. Опече!

Могиканин сделал Иосифу знак рукой, чтобы он подошел, а сам отступил в тень. Иосиф медлил. Он оглянулся на спящий лагерь. Маленькие костры еще не везде потухли и тлели то тут, то там. Он должен возвратиться в лагерь, он как бы слышал предупреждающий голос Джона Майера. Что хочет Опече среди ночи?

Опече снова подошел.

— Не бойся, — прошептал он. — Я только хочу поговорить с тобой. Пойдем, сядем под толстым дубом, дальше мы не пойдем.

Немного успокоенный и любопытный, Иосиф прошел за индейцем несколько метров в глубину леса и сел с ним под стройным деревом.

— Зачем ты ходишь по лесу посреди ночи? — спросил Иосиф полушепотом.

Опече засмеялся.

— Я могу спросить о том же самом у тебя, мой друг, — улыбнулся он. — Но это ненужный вопрос. Это верно, что я иду за вашими людьми. Но, как ты знаешь, с вами сестра Серебряного Ножа. Так как эти крестьяне сами не защищаются, — насмешка прозвучала в его голосе, — я хочу позаботиться о ней, чтобы с ней ничего не случилось.

«Может быть, — да, а может, и нет», — с сомнением думал Иосиф. Он сам испугался, когда у него вырвалось:

— И в прошлую ночь своровали пять лошадей.

— Ах, — заметил могиканин, — и ты веришь,

что это сделал я? Сидел бы я здесь и разговаривал с тобой, если бы я украл лошадей?

— А кто же это сделал? — прямо спросил Иосиф.

Индеец пожал плечами.

— Я видел на дороге группу ирокезов.

Иосиф молчал. Он тоже видел ирокезов или он думал, что видел их.

— Я не терял надежды, Иосиф, что ты еще раз встретишься мне на пути, — продолжал Опече приветливым голосом. — Я очень хочу знать, чему верят твои люди и зачем вы предприняли такое тяжелое путешествие?

Иосиф поразился.

— Ах, значит, ты ищущий. Почему же ты не придешь к нашему лагерному костру и не поговоришь с моим отцом, с братом Хекевельдером или же с отцом Цайсбергером. Они были бы рады…

— Нет! — прервал его Опече резким голосом. — Они не послушают меня. Почему-то они недолюбливают меня… поэтому я пришел к тебе. Ты повел себя честно, дав человеку шанс говорить, прежде чем обвинить его.

Эти льстивые слова заставили Иосифа задуматься. Но когда он заметил, как долго он уже вне лагеря, он забеспокоился.

— Я… мне очень жаль. Мне нужно в лагерь прежде, чем обнаружат мое отсутствие. Может, в другой…

— Да, — сказал Опече, — завтра ночью, когда костры потухнут, я буду ждать тебя. — И почти без звука Опече поднялся и исчез в темноте.

* * *

Иосиф чувствовал, что он радуется тайной встрече с Опече. Это было одним из приключений и

переживаний в этом путешествии. Почему из всех других людей Опече выбрал именно его? Иосифу было только четырнадцать, но Опече разговаривал с ним как со взрослым. Ни отец, ни Джон Майер или его учителя не разговаривали с ним так. Иосиф чувствовал себя героем. Может, все другие неправильно оценили его?

А только ли Иосиф был готов доверять Опече?

На следующий вечер отец долго не ложился. Он говорил с отцом Цайсбергером, братом Хекевельдером и другими, какое направление избрать по этим непроходимым местам. Иосиф пошел спать, когда его попросили об этом, и закрыл глаза, дожидаясь, пока ляжет отец. Но когда он снова открыл глаза, уже весело щебетали птицы, и небо стало светлеть.

Иосиф ругал себя. Что подумает о нем Опече? Неужели он не может пободрствовать до встречи с Опече, как и обещал? Он, конечно, не обещал прийти наверняка, но Опече ждал его.

Он решил, что такого больше не повторится. И на следующий вечер не сомкнул глаз, пока отец его крепко заснул. Тогда он тихо ускользнул в лес. Он не знал, где найти Опече, да это и не было нужно. Опече сам нашел его.

Они сидели на стволе дерева и беседовали. Иосиф облегченно вздохнул, что индеец не задал ему ни одного вопроса о христианском учении. Вместо этого он рассказывал мальчику о своем детстве и юности в селе индейцев-могикан. Он описывал праздники, церемонии и танцы, которые проводились во все времена года, как мальчиков учили охоте, ловле рыбы и стрельбе из лука, как обходиться с мечом и дубинкой и как употреблять нож. У Иосифа мурашки побежали по коже, когда Опече рассказал, как он первый раз выступил со своим

племенем на войну, чтобы отомстить за своего вождя, который был убит белыми людьми.

— Ты хороший слушатель, — похвалил его Опече. — Приходи завтра снова, поговорим еще.

Но когда Иосиф вполз под одеяло рядом с отцом, он никак не мог уснуть. Внутри у него была полная неразбериха. Зачем Опече все это рассказывает ему? Некоторые из историй были удивительны, как, например, о танце с масками, о других ритуалах, об исцелении людей от болезни. Он пришел в ужас, когда Опече рассказал, что молодой воин должен был принести домой скальп, чтобы доказать свою смелость. У Опече все выходило так, будто нападения на белых переселенцев и война против вражеских племен были единственно возможным и правильным выходом для сохранения старых индейских традиций. Разве настоящие индейцы позволили бы так просто чужим людям забрать их жен или их землю… или их лошадей?

Иосиф был очарован. Он должен был признать, что истории эти очень интересны и захватывающи — намного интереснее, чем спокойная мирная жизнь индейцев-христиан в Мирных Домах.

Смелое Сердце

Иосиф не каждый день ускользал для встреч с Опече, боясь, что отец может заметить это.

Совершая такое за спиной отца, Иосиф чувствовал угрызения совести, но он утешался тем, что Опече иногда задавал вопросы о христианской вере. Неужели богемским миссионерам и даже его отцу не понравится, что он говорит с Опече о Евангелии? Ведь он делает то же самое, что и отец Цайсбергер в своих поездках к разным племенам индейцев. А некоторые из них были намного ужаснее и опаснее, чем Опече, индеец из могикан.

Но иногда рассказы Опече смущали Иосифа.

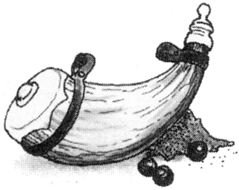
— Иосиф, скажи мне, — начал Опече как-то вечером, когда они сидели у маленького горного озера, менее чем в ста метрах от лагеря. — Возможно, Большой Дух и дал белому человеку Библию, но как она должна ему помочь?

«Как она должна помочь? Это же простой вопрос», — подумал Иосиф.

— Ну, она очень помогает им, — чистосердечно сказал он. — Посмотри на отца Цайсбергера…

— Да, да, ваш Цайсбергер всё понимает правильно, — прервал его Опече, — хотя он убеждает воинов оставаться дома и копаться в земле, как женщины, и не бороться с врагами с оружием.

Иосиф почувствовал себя неуютно: из прежних разговоров ему были знакомы обидные насмешки Опече.

— К тому же, — продолжал Опече, — он вежлив и честен с индейцами. Но много ли белых похожи на него? Ты только посмотри, ведь большинство из них

обманывают! Они заключают договоры и тут же нарушают их, не моргнув глазом. Они просто захватывают земли индейцев, не оплачивая их. Они говорят одно, а делают совсем другое. Они обменивают товары, чтобы получить наши ценные шкуры, лодки и красивые плетеные корзины, а нам дают водку, которая губит нас и сводит с ума. Вот так! Объясни это мне, Иосиф. Чем белые со своей Библией лучше, чем мы, индейцы, без нее?

Иосиф молчал. Он чувствовал себя загнанным в угол — в ловушку. Может, Опече прав? Даже отец Цайсбергер не доверял большинству переселенцев! И ведь из-за этого индейцам-христианам приходится совершать это переселение — чтобы уйти подальше от всех расовых войн, распрей и необузданного пьянства.

* * *

На следующий вечер Давид попробовал поесть кукурузную кашу со свежим молоком, которую мать приготовила на ужин. Боль в бедре вызывала тошноту, и было почти невозможно что-то поесть. Но мать стояла рядом, наблюдая за ним. И он постарался положить в рот еще одну ложку.

— Давид! Давид! — издалека воскликнул Иосиф.

Через мгновение он подбежал и плюхнулся на землю рядом с маленьким костром.

Давид улыбнулся ему. Он больше не видел Иосифа так часто, как раньше, но его друг всегда вносил оживление в его однообразную жизнь.

— Угадай-ка, что случилось! — радовался Иосиф. — Мы завтра опять идем на охоту! И брат Хекевельдер говорит, что он не идет с нами и что я могу взять его ружье, если мой отец разрешит. Но я уверен, что он разрешит!

— Опять на охоту? — сказал Давид. — Но вы же только на прошлой неделе ходили и принесли домой пять оленей, уже не говоря о медведях и маленькой дичи.

— Да это же очень мало! — воскликнул Иосиф. — Чтобы накормить столько людей, нужно много мяса, ведь у нас здесь нет садов и огородов. К тому же отец Цайсбергер дал такое указание, а ты же знаешь, что он никогда не разрешит охотиться, если нет нужды в этом.

Давид нахмурил лоб. Голос Иосифа стал насмешливым.

— Да и вообще, — продолжал Иосиф, бросая щепки в костер, — если по мне, то я бы каждый день ходил на охоту. Это путешествие постепенно начинает надоедать — все в толпе каждый день и каждую ночь. А в этих диких местах есть много разных следов и дичи. Неужели ты не хотел бы, чтобы вышло такое разрешение — ходить на охоту, когда захочется? Но у нас наоборот — множество разных правил! «Не оставляй лагерь ночью!», «Не ходи на охоту без нужды!» — Иосиф сверкнул глазами.

— Ты думаешь, что правила даны не из добрых побуждений? — спросил Давид.

Он чувствовал себя беспомощным, когда Иосиф заводил такие разговоры.

— Может быть, — согласился Иосиф. — Что отец Цайсбергер и брат Хекевельдер понимают в охоте? Но что толку говорить об этом с тобой, Давид. Ты ведь тоже не имеешь об этом никакого представления.

Давид внимательно посмотрел на друга. У Иосифа раньше не было привычки делать такие бессмысленные замечания. И действительно, скоро он заметил, что Иосиф пожалел о сказанном.

— Давид, прости меня, — быстро проговорил

Иосиф. — У меня просто такое настроение! Я не думаю, что смогу еще когда-нибудь жить в городе, после того как попробовал вкус свободной жизни в лесах.

— Хорошо, Иосиф. Ты не огорчил меня. Но это заставляет меня задуматься... Может, я должен быть счастлив, что я калека?

— Что? — громко воскликнул Иосиф. — Кто-нибудь слышал такое, что кто-то был благодарным за то, что не мог бегать?

— Ну да, — медленно проговорил Давид, — если бы я не был калекой, может, я был бы таким же непоседой, как ты.

Иосиф уставился на него, не говоря ни слова. В это время Давид услышал голос матери:

— Давид, ты доел свой ужин?

Давид быстро сунул ложку в рот и скривил лицо. Каша остыла и была похожа на медвежий жир.

«Ну да, может, ты и прав, — пробормотал Иосиф про себя. — Но я бы не пожелал быть и наполовину таким счастливым, как ты».

Волнуясь, Давид все же решился спросить своего друга о том, что давно уже тревожило его.

— Иосиф, с кем ты встречался в последнюю ночь, ускользнув из лагеря?

Его друг растерянно смотрел на него.

— Что? Как тебе пришло в голову, что я последнюю ночь оставлял лагерь?

— Я видел тебя, — прозвучал простой ответ. — У меня так болела нога, что я не мог спать. Я видел, как ты пошел в лес и там был еще кто-то, какой-то мужчина, который шел с тобой.

Иосиф опять уставился на него. Затем вздохнул.

— Ну, я уже давно хотел рассказать тебе об этом. Но потом побоялся, что ты скажешь, будто я делаю что-то неправильно.

— А как ты сам думаешь — ты поступаешь правильно?

— Все в порядке. Я лучше расскажу тебе, в чем дело, прежде чем ты подумаешь обо мне что-то плохое. Этот мужчина был Опече, могиканин, кузен твоей матери. Но мы ничего плохого не делали. Мы только разговаривали. Все думают, что он плохой человек, но он очень приветлив. Последнюю ночь он даже задавал вопросы о нашей вере и о Библии!

— Я думаю, это хорошо, — задумчиво сказал Давид. — Но если он что-то хочет знать о вере, почему он не поговорит с отцом Цайсбергером и братом Хекевельдером?

— Ах! Он говорит, что они не любят его, поэтому не доверяют ему. И к тому же он обращается со мной не как с мальчиком. Он говорит со мной как мужчина с мужчиной. Впрочем, Опече говорит, что охотник и воин может быть хорошим христианином, так же, как и земледелец. И это мне нравится.

Нотки гордости в голосе Иосифа беспокоили Давида. Может ли такое быть, что все учителя и верующие в селе неправы, а Иосиф прав?

— Ах, Иосиф, — сказал Давид и положил свою ладонь на руку друга. — Как бы я хотел, чтобы ты не имел никаких дел с Опече. Я боюсь, что он хочет переманить тебя к себе и сделать тебя воином в своем племени. А это означает больше, чем охота. Это значит возвращение ко всем старым обычаям — праздникам, войнам и убийствам. Знаешь, если бы он был честен, то он просто пришел бы в наш лагерь и говорил бы с нами, а не скрывался бы в темноте. Иосиф, прошу тебя, пообещай мне, что ты не будешь с ним больше разговаривать!

— Ты говоришь вздор, Давид, как и все другие.

— Иосиф вырвал свою руку. — Лучше бы я тебе не рассказывал. Спорим, что ты расскажешь все моему отцу?..

— Неужели твой отец вообще ничего не знает об этом? — сверкнул глазами Давид.

Иосиф пожал плечами.

— Зачем я должен был ему об этом говорить? Он снова начал бы учить меня.

— Но это неправильно — скрывать такое от отца. И ты знаешь это.

Мальчики замолчали. Мимо проходили взволнованно разговаривающие мужчины.

— Джон и Авель видели сегодня Опече, могиканина, и еще нескольких воинов! — как раз говорил один из них.

— Это означает, что они уже не один день ходят за нами, — заметил другой. — У них точно что-то недоброе на уме.

— Но мы можем помешать этому, — сказал третий. — Сегодня ночью охрана будет стоять вокруг всего лагеря. Меня назначили в третью стражу.

Молодые братья исчезли между соснами и кустами, и голоса их постепенно затихли.

Иосиф встретился взглядом с Давидом.

— Я… я не знал, что он здесь с другими воинами — честно, Давид, — прошептал он. — Может, ты и прав. Я обещаю не уходить больше из лагеря для встречи с ним.

— А что будет, если ты случайно встретишь его в лесу? — спросил Давид.

— Ну, тогда я не виноват. Я же не могу невежливо…

— Иосиф, пожалуйста, пообещай мне, что ты вообще не будешь иметь с ним никакого дела! Иначе тебе будет плохо.

— Я уже пообещал тебе. Разве этого недостаточно? — Иосиф вскочил на ноги. — Спокойной ночи, Давид. Нам нужно утром рано вставать на охоту.

Давид смотрел вслед своему другу, пока тот не исчез в темноте за костром. «Ах, Иосиф, — шептал он. — Если ты не хочешь послушать меня, то я буду просить Бога, чтобы Он говорил к твоему сердцу».

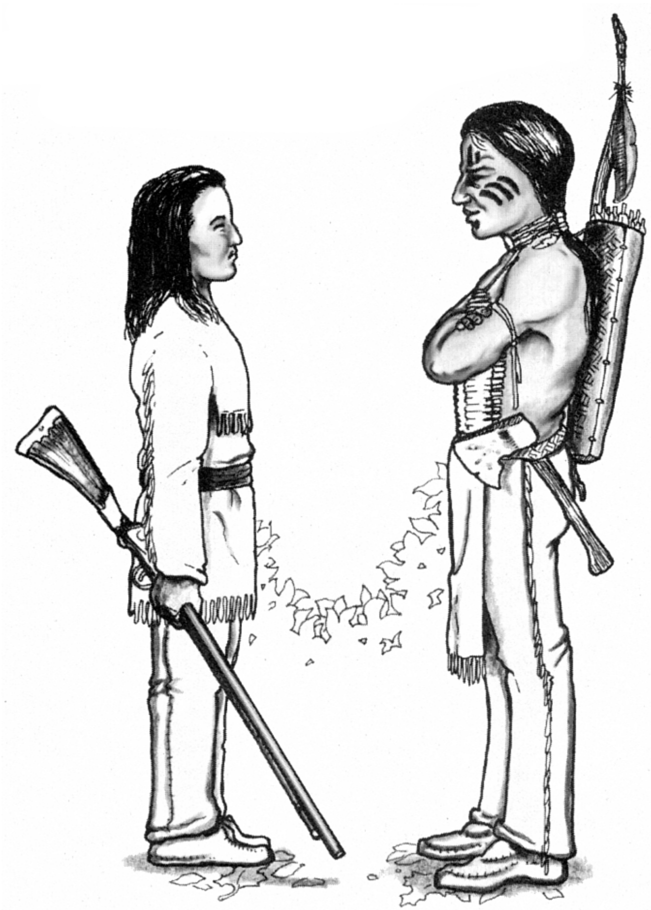
* * *

Иосиф не мог заснуть. Причиной этому было не только волнение перед охотой. Он думал о том, что он услышал вместе с Давидом об Опече и группе воинов.

Последнее время его мучила совесть, что он без разрешения уходил из лагеря. Отец никогда не запрещал ему разговаривать с Опече. Иосиф был уверен в том, что только Джон Майер и Давид знали о случайной встрече на охоте. Но он знал и то, что отец не похвалит его за это. И еще его беспокоило сказанное Давидом: если бы намерения Опече были честны, то он бы открыто пришел в лагерь. И даже если бы старшие и не доверяли ему, они все же спокойно выслушали бы его.

Итак, почему Опече не приходит открыто, и почему с ним группа воинов? Было ли это «для защиты», как он сказал? Или есть совершенно другая причина? Но Иосифа больше беспокоило другое: он чувствовал, что слишком сильно запутался в этом деле.

Когда на следующее утро мужчины готовились к охоте, Иосиф принял решение. Он во весь дух побежал к месту, где Анна уже разбирала временную крышу. Нагнувшись, он быстро прошептал на ухо Давиду:

— Ты больше не переживай за меня, Давид. Я решил забыть Опече и больше не вспоминать о нем.

Давид улыбнулся.

— Я знал это, — просто сказал он. — Я всю ночь молился за тебя.

Такие огромные усилия со стороны Давида растрогали Иосифа.

— Давид, я не достоин таких переживаний. Не нужно жертвовать из-за меня сном. — И с ружьем брата Хекевельдера через плечо он тут же исчез.

Когда Иосиф с отцом и другими братьями шел по лесу, все его мысли были только об охоте. За день до этого видели оленей. Казалось, что охота будет успешной. Но был уже почти обед, когда первых оленей выгнали из укрытия в маленькую лощину.

Охотники разделились в лесу по двое.

— Оставайся со мной, — сказал Джон Сабош своему сыну, — Я видел тут недалеко оленя.

Отец с сыном терпеливо преследовали животного, но каждый раз, когда они были на расстоянии выстрела от него, олень поднимал голову и убегал.

— Смотри, куда он побежал, — сказал отец Иосифу. — Он спустился в эту лощину. Беги по краю вокруг, чтобы обогнать его, пока я буду бежать за ним и гнать его к тебе, чтобы ты мог пристрелить его.

С бьющимся сердцем Иосиф быстро поднялся на каменистый край лощины. Отец доверил ему сделать решающий выстрел. Иосиф хотел доказать, что он достоин этого доверия. Ему было стыдно, что он обманывал отца. После охоты он хотел все рассказать отцу и попросить у него прощения.

Взобравшись наверх, Иосиф беззвучно скользнул между рядами берез и кленов. Он был так занят мыслью как можно быстрее достичь края лощины, что вообще не увидел воина, который неожиданно встал на его пути, пока чуть не столкнулся с ним.

— Опече! — испуганно воскликнул он.

— Я так и думал, что это ты, Смелое Сердце, — мягко сказал могиканин. — Я уже целый час наблюдаю за тобой и жду возможности поговорить с тобой.

«Смелое Сердце? — удивленно подумал Иосиф. — О ком он вообще говорит?»

Разница между обоими была в этот день разительной. Лицо Опече было разрисовано краской, и его косу украшали цветные перья. На шее у него была цепочка из медвежьих когтей, блестевших на его бронзовой груди. Иосиф же был одет в простую одежду индейцев-христиан, подпоясанную поясом, скромные брюки и мокасины, на нем не было никаких украшений.

— Я... я не могу сегодня с тобой разговаривать, — тихо сказал Иосиф. — Я преследую оленя и должен торопиться.

— Олень подождет тебя, — успокаивающе произнес Опече. — Внизу в лощине есть хороший корм. — Затем тон его голоса изменился, и он немного жалобно сказал: — Смелое Сердце, вчера вечером ты не пришел ко мне поговорить, как обещал.

— Я ничего не обещал, — вырвалось у Иосифа все еще тихим голосом. — Я прихожу, когда могу... а последнюю ночь я не мог.

— О! — Опече приподнял брови. — Что случилось с твоим смелым сердцем? В знак признательности я даже дал тебе новое имя. Ты смелый юный воин, который хочет разговаривать со мной, невзирая на отношение ко мне других. Может, учителя в твоем лагере сказали тебе, что плохо разговаривать с могиканином? — Его голос звучал теперь насмешливо.

— Нет, — честно ответил Иосиф. — Они даже не знают, что я разговаривал с тобой.

— Будет лучше, если они вообще не узнают об этом, — глаза Опече сузились. — Пусть это дело останется между нами.

Иосиф поднял голову. Его отец был внизу в лощине и рассчитывал на него.

— Это неправильно — обманывать их. Я хочу сегодня вечером рассказать отцу о наших встречах.

Воин сделал угрожающий шаг вперед, к мальчику.

— Если ты это сделаешь, — прошипел он, — то заплатишь за это своим скальпом.

Неоправданное доверие

Иосиф твердо стоял на месте.

— Я не боюсь тебя, — решительно проговорил он, выпрямил плечи и крепко ухватился за ружье.

Опече отступил назад и осторожно наблюдал за Иосифом. Затем широкая приветливая улыбка расплылась на его лице, и он смягчающе поднял руки вверх.

— Смелое Сердце, я не имел в виду ничего плохого. Мне не нужен твой скальп. Я твой друг. Но я не вижу причин, чтобы ты рассказал отцу и другим о наших встречах. Почему бы тебе не уйти сегодня вечером из лагеря, и мы продолжим разговор о вашей Библии и религии. И к тому же у меня есть что-то, что я хотел бы дать тебе.

Иосиф медлил. Может быть, он слишком поспешил, пообещав Давиду, что не будет больше разговаривать с Опече? А что, если тот действительно хочет больше узнать о Боге? С другой стороны, он не мог так просто уйти из лагеря из-за охраны, которая ночью будет стоять вокруг лагеря, даже если бы и хотел.

— Я… я не могу больше выйти из лагеря, — сказал он. — С сегодняшнего дня вокруг лагеря будет стоять охрана.

Глаза Опече опять сузились.

Иосиф молчал.

— Что они знают? Расскажи мне все!

Нехотя Иосиф сообщил, что некоторые братья заметили Опече и его воинов и поэтому решили поставить охрану.

Опече, казалось, был раздражен. Несколько минут он изучающе смотрел на Иосифа,

уставившись на него, как будто о чем-то серьезно думал. Затем напряжение спало.

— Ну, значит, я тебе сейчас его отдам, — сказал он и вытащил из-за спины красивый вырезанный лук и кожаный колчан со стрелами. — Я сделал это для тебя и хотел подарить тебе сегодня вечером, но так как это невозможно... то на, возьми сейчас.

Глаза Иосифа округлились от неожиданности и восторга. Он еще никогда не видел такого чудесного лука.

— Опече! — воскликнул он и с почтением взял подарок. — Это ты сделал для меня? Чем я могу отблагодарить тебя?

Движение на дороге за спиной Опече привлекло внимание Иосифа, и он поднял голову. С другого конца лощины приближался его отец. Опече молниеносно обернулся и исчез.

— Иосиф! — строго сказал отец. — Что все это значит?

— Ничего, отец, — заикаясь, проговорил Иосиф. — Он просто встал на моем пути и задержал меня.

— Ты знаешь, кто это? — спросил отец.

— Да, Опече, могиканин.

— Наш враг! И ты все же останавливаешься и разговариваешь с ним.

— Я совсем не хотел, отец. Но он не пропускал меня.

— Тебе надо было повернуться и возвратиться ко мне, — выговаривал ему отец, и вдруг внимательно посмотрел на него. — Откуда ты знаешь, что это Опече из могикан?

— Ну, я видел его у Давида, за день до нашего выхода из села Мирные Дома. — Иосиф глубоко вздохнул, решив сейчас все рассказать отцу. — Я встретил его на прошлой охоте и иногда, когда выходил за пределы лагеря.

Джон Сабош даже рот раскрыл от удивления.

— Ты уже часто встречал этого человека и ничего не рассказывал об этом мне? Иосиф, я почти не могу поверить этому! Я думал, что могу доверять тебе!

Иосиф чувствовал себя отвратительно. Все вышло совсем не так, как он надеялся. Он хотел все сам рассказать отцу, а получилось, что тот поймал его на месте преступления.

— Но Опече сказал, что никто из нашего села не доверяет ему и не послушает его, — оправдываясь, сказал Иосиф. — Я не уверен, что он такой уж плохой человек. Он много расспрашивал меня о нашей вере. Может, он когда-нибудь захотел бы присоединиться к нам, если бы мы были приветливее к нему.

Сабош коротко и насмешливо рассмеялся.

— И поэтому он тайно подошел к моему сыну вместо того, чтобы как мужчина прийти в наш лагерь и поговорить со старшими. — Он посмотрел на Иосифа. — Скажи мне, как часто и о чем говорил он с тобой?

Иосиф медлил. Его отец не был настроен прощать. Может, не стоит все ему рассказывать? Но… одно дело — не рассказать отцу обо всем, а другое дело — дать ответ на прямые вопросы. И так вся история потихоньку вышла наружу, хотя частично в более светлых тонах: ночные прогулки вне лагеря, истории Опече о героях-индейцах, его непонимание христиан-индейцев, которые стали земледельцами (Иосиф не упомянул презрительный тон Опече при этом), и его вопросы о содержании их веры.

Но когда Иосиф посмотрел на лицо отца, то он понял, что едва ли мог совершить более тяжкий грех, чем этот: сделки с врагом их народа, и все это тайно, за спиной отца.

Только теперь Джон Сабош заметил в руках Иосифа лук и стрелы.

— Что это такое? — строго спросил он.

— Это Опече дал их мне, — пролепетал Иосиф.

— Он их для тебя сделал?

— Да, он так сказал.

— Выбрось их.

Иосиф был шокирован.

— Выбросить? Зачем же? Посмотри только, какие они красивые!

— Мой сын не будет обманут этим человеком, — жестко проговорил Джон Сабош. — Выбрось их сейчас же!

Иосиф был раздражен. Это было нечестно! Он все рассказал своему отцу. Он и сам решил больше не встречаться с Опече. То, что случилось здесь, на тропинке, — не его вина: этот мужчина ждал его в этом месте. Зачем ему выбрасывать такой прекрасный лук, который был в три раза лучше, чем его собственный?

— Сейчас же! — потребовал отец.

Иосиф с яростью выбросил лук со стрелами в кусты. Джон Сабош как раз хотел что-то сказать, но тут прибежали два охотника.

— Джон! Иосиф! — кричали они, разгоряченные и взволнованные. — Вы встречали группу воинов-могикан?

— Нет, группу мы не видели, — проговорил Джон иронически. — А что? Что случилось?

Оба взволнованно, перебивая друг друга, рассказали, что, когда они разделывали убитого оленя, их внезапно окружили двенадцать могикан на конях. Они оттолкнули охотников, взяли оленя и уехали.

— Но самое худшее было то, — с горечью проговорил один, — что две лошади были из тех, которых у нас украли в прошлое воскресенье!

— Мы должны быстро найти своих, — сказал Джон Сабош и быстро зашагал к месту встречи.

Иосиф быстро шел за ним, исполненный жалости к себе.

Когда они встретились с другими охотниками, выяснилось, что могикане напали и на других охотников, забрав их добычу. Из семи осталось только три убитых оленя, которых они могли принести своим голодным семьям. Все были сильно взволнованы.

— Это просто наглость! — возмущался Джеймс.

Он был одним из молодых мужчин, у которого отняли добычу.

— Я признаюсь, что в тот момент я желал хоть на одну минуту стать снова неверующим настолько, чтобы успеть познакомить возмутителей спокойствия вот с этим. — Он многозначительно поднял свое ружье.

— Точно! — гневно поддержал его Сиф. — Эти нападения нам нельзя просто так прощать. Так мы только поощряем их поступать с нами еще хуже.

— Я понимаю ваше раздражение, — вступил в разговор один из пожилых братьев, седовласый Сенека, все еще крепкий и сильный. — Да и что бы предприняли двое мужчин против двенадцати воинов, — даже если бы в нашей Библии не было написано, чтобы мы не воздавали злом за зло?

Иосиф заметил, что его отец необычайно молчалив. Один из самых уважаемых среди старших, он обычно быстро мог успокоить горячих молодых, у которых иногда возникали проблемы с учением богемских братьев, призывающих жить без насилия. Это учение выдвигало на первый план заповедь «подставь другую щеку» и молитву за своих врагов, вместо того чтобы мстить.

Но он сказал только:

— Пойдемте, нам нужно быстрее возвратиться в лагерь.

* * *

— Иосиф, — серьезно сказал Джон Сабош, — я

приму следующую стражу. А теперь — быстро в постель, и для тебя будет лучше, если ты будешь еще здесь, когда я вернусь.

Было уже поздно. Переселенцам трудно было успокоиться после того, как охотники рассказали им о нападениях и о том, что у них забрали четырех оленей.

— Отец, ты можешь не переживать, — недовольно проговорил Иосиф. — Я же тебе сказал, что решил больше не разговаривать с Опече.

Джон Сабош ничего не ответил, но быстро прошел мимо лагерных костров на свой пост. Ему трудно было оставить Иосифа одного. Как часто мальчик ускользал, чтобы встречаться с этим... этим язычником. Но в то же время он сам хотел охранять лагерь. По-видимому, Опече и его воины будут еще наглее в своих проделках.

Трое мужчин одновременно держали стражу. Все медленно обходили лагерь, держась на одинаковом расстоянии. Когда Джон контролировал внешний край лагеря, ему бросилась в глаза невысокая сильная фигура, пересекающая лагерь.

— Отец Цайсбергер! — позвал он. — Не хотел бы ты немного побыть со мной?

— Конечно, брат, — ответил богемский пастор и подошел к Сабошу. — Что случилось? Ты выглядишь таким беспокойным.

Сабош взволнованно рассказал пастору все, что узнал от Иосифа. Цайсбергер спокойно выслушал все до конца.

— Совершенно не могу понять, что мальчик мог так ловчить, — расстраивался Джон. — Что касается меня, то я запретил ему выходить за пределы лагеря, а это значит, — больше для него никакой охоты.

После некоторого раздумья Цайсбергер сказал:

— Брат Сабош, я понимаю, почему ты так сердишься. Твои подозрения очень вероятны. Опече пытался различными уловками привлечь мальчика и оторвать его от нас. Но я бы не наказывал его так жестко. Он рассказал тебе всю историю, и я думаю, что он больше не повторит этой ошибки. Это первая глупость, которую он сделал. Ты можешь сказать ему, как это тебя огорчило и разочаровало, и достаточно.

— Достаточно? — не мог успокоиться Сабош. — Все это продолжалось долгое время за моей спиной. Это едва ли можно назвать первой глупостью.

— И все же Иосиф всегда был заботливым сыном. Теперь он будет быстро расти, и ты должен доверять ему. Чересчур жесткое наказание может больше навредить, чем принести пользу.

— Да, это верно, отец Цайсбергер! Он взрослеет, а ума ему все же не хватает. Как я теперь могу ему доверять?

Оба брата медленно шли и молчали. Они то и дело останавливались и прислушивались к ночным звукам. Затем Цайсбергер сказал:

— Брат Сабош, я расскажу тебе историю. Когда я был еще мальчиком, примерно в возрасте Иосифа, мои родители оставили меня в Гернгуте, одной из моравских колоний в Саксонии, чтобы дать мне завершить образование. Сами они уехали в Джорджию в Новый свет, чтобы работать там миссионерами. Я принял их решение, но это было очень тяжело для меня. Мои учителя были более чем строгие — грубые и резкие. Но я пробовал по возможности ладить с ними.

Однажды меня попросили проводить одного гостя, чтобы показать ему дорогу в соседний город. Он был очень благородным человеком и дал мне в награду золотую монету. Нам запрещали прини-

мать подарки, и я пытался вернуть ему монету. Но мужчина никак не хотел брать ее назад, и, в конце концов, монета осталась у меня.

Джон Сабош в темноте нахмурил лоб. Какое отношение имеет эта история к Иосифу? Он же не может сравнивать свое желание проводить гостя с тайными встречами Иосифа с известным врагом!

— Когда я вернулся в школу, — продолжал Цайсбергер свой рассказ, — я отдал золотую монету директору и рассказал, как я ее получил. Но директор не поверил, что кто-то мог дать мальчику за такую услугу столько денег! Он обвинил меня в обмане, утверждая, что я своровал монету. Итак, меня наказали палкой не только за воровство, но и за обман.

В лесу послышался голос совы. Братья остановились, прислушались и медленно пошли дальше.

— Я был так разгневан и огорчен несправедливым наказанием, ведь я хотел сделать доброе, что не выдержал и сбежал. Только Бог знает, какие опасности мне пришлось пережить в пути. В конце я уже не знал, куда мне податься, и я уговорил генерала Оглеторне взять меня на корабль и отвезти к родителям в Америку. И так Бог сохранил меня от более серьезных ошибок.

— Отец Цайсбергер, не означает ли твой рассказ, что я не должен наказывать своего сына? — раздумывая, спросил Джон Сабош.

— Нет, мой друг, — Я только хочу предостеречь тебя, чтобы ты его не слишком сильно наказал. Дай ему еще возможность показать себя.

— До тех пор, пока этот могиканин шатается вокруг лагеря!.. — угрюмо проговорил Сабош. Неужели пастор Цайсбергер не понимает, что его сын чуть не стал жертвой этого человека? — Я не

могу рисковать, и решил: Иосиф не будет покидать лагерь, пока мы не придем в Мускаингун.

Веточка малины

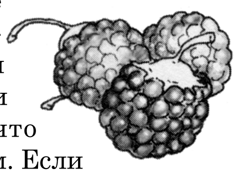
Ничего не дрогнуло в лице Иосифа, когда отец сказал ему, что до конца путешествия он не имеет права оставлять лагерь. Но внутри у него все кипело. «Даже если я говорю отцу всю правду, все равно это кончается плохо! Никогда больше не пойти на охоту?! Это уже слишком!».

Хотя никто не говорил с ним о встречах с Опече, он все же спрашивал себя, сколько людей знают об этом и говорят о нем за его спиной. Они, видно, думают, что он самый плохой человек под солнцем, потому что разговаривал с Опече. Ну, он, по крайней мере, не будет оправдываться и плакать об этом. Воин несет свое наказание как мужчина.

Решив не показывать своих чувств, Иосиф стал недовольным и замкнулся в себе. Он делал все, о чем просил его отец, но вечера у лагерного костра проходили молча в напряженной атмосфере.

Дни тянулись очень медленно и проходили скучно. Вместо того чтобы играть с другими мальчиками, которые заботились о животных, Иосиф больше оставался один. Он понимал, что другие мальчики будут косо смотреть на него, но старался не обращать на это внимания. Иногда он видел, как Джон Майер, Джеймс, Сиф и Авель носили Давида на спине, но он не подходил к ним близко. Он не хотел говорить с Давидом — еще нет.

Но, хотя ночью вокруг лагеря стояла охрана, то и дело что-то исчезало: различное оружие, мешки с семенами, шкуры и кожа для обмена, пропали еще две лошади. Эти случаи воровства послужили тому, что Иосиф чувствовал себя виновным. Если

это делает Опече со своими воинами, а все только и думали на них, то его отец и все остальные видят в нем виновника.

* * *

Давид лежал в крепких руках Джона Майера, который осторожно нащупывал дорогу через небольшую речушку.

— Ты уверен, что ты хорошо кушаешь? — спросил Джон с упреком. — Мне кажется, что с каждым разом ты становишься все легче.

— Я стараюсь, — скромно ответил Давид.

Трудно было объяснить, сколько сил забирает у него в эти дни даже еда. Но в то же время ему всё было очень интересно.

Июнь кончился и начался июль, дорога начала спускаться по западной стороне Алегенских гор. Отец Цайсбергер сказал, что это примерно середина пути к их новой родине — Огайо.

— Мне интересно, как выглядит наша новая родина, — пробормотал Давид и вдруг потянулся: — Смотри, Джон, вон Иосиф! Позови его, пожалуйста, сюда. Я знаю, что он не услышит меня, ведь я не могу громко кричать. Я уже несколько дней не видел его.

Они увидели Иосифа между деревьями. Он как раз пытался вернуть отбившуюся от стада корову.

— Иосиф! — крикнул Джон. — Иосиф! Подожди минуточку!

Иосиф обернулся, но тут же поспешил на свое место.

— Ах, — разочарованно проговорил Давид. — Может, он сейчас сильно занят и не может поговорить.

— Гм, — пробормотал Джон, — может быть. Но я

думаю, что его что-то беспокоит. Я еще никогда не видел его в таком плохом настроении и молчаливым. Давид, ты не знаешь, что с ним случилось?

— Нет. — Давид покачал головой. — Он уже несколько дней не разговаривал со мной. Последний раз он был у меня перед охотой. Но утром перед охотой он был веселым и полным желания делать все правильно.

Давид помедлил. Он ничего не хотел больше говорить. Он не знал, что знает Джон Майер об Опече. Но все другие охотники рассказывали об одной банде воинов-могикан, которые обворовали их. Имеет ли это какую-то связь с настроением Иосифа?

— Забудь об этом, — сказал Джон и попробовал переменить тему разговора. — Ты хочешь знать, как выглядит наша новая родина? Ну, здесь есть человек, который может все рассказать о ней. Добрый день, отец Цайсбергер. У нас есть вопрос.

Отец Цайсбергер с рюкзаком на спине стремительно шагал вперед со своей палкой, но улыбнулся, когда увидел Джона с Давидом.

— Ну, — начал он, услышав вопрос Давида, — как вы смотрите на то, если я понесу Давида две или три мили, а Джон на это время возьмет мой рюкзак? Конечно, твоя ноша теперь будет потолще, — улыбнулся он, видя как молодой человек взваливает на спину рюкзак.

Рюкзак был наполнен запасами пищи, которые после потери двух лошадей нужно было транспортировать таким образом.

— Значит, ты думаешь о нашей новой родине Огайо, да, Давид? — спросил он мальчика, которого осторожно положили ему на спину. — Ну, Давид, я думаю, что, если не говорить о небе, я не видел на этой земле более прекрасного места.

— Действительно, отец Цайсбергер? — с восхищением спросил Давид. — Расскажи мне о нем.

— Те пять семей, которые уже там, поселились в прекрасной долине, которая лежит на протяжении примерно восьмидесяти миль вдоль реки Мускаингун. Склоны гор, спускающиеся в долину, покрыты всевозможными деревьями: дубами, ореховыми деревьями, ясенем, лещиной и кленами, и так густо, что под ними уже ничего не растет. А внизу, в долине! — Таких красивых деревьев ты никогда не видел! Грецкий орех, кедры и лавровые кусты с пахучими цветами. Но лучше всех — величественные вязы и огромные платаны с такими толстыми ветками, что ты сильно удивишься, увидев их.

Давид засмеялся от радости, представив себе это.

— Но это еще не все, Давид. Там растут березы с толстой корой для постройки лодок и леса полны дичи. А ягод! За пару недель, что я был весной, я видел, как там цвела земляника, ежевика, малина, черная смородина, брусника, хотя пора ягод уже пройдет, пока мы придем туда. Но самое хорошее в этой долине — чистый прекрасный источник, который питает озеро и маленькое море.

— Прекрасный источник, — задумчиво повторил Давид. — Это будет хорошее имя для нашего нового города — Прекрасный Источник.

— Да, действительно, хорошее имя! — улыбнулся отец Цайсбергер. — Ты можешь предложить его городскому совету, когда мы придем туда.

Давид некоторое время молчал. Он пытался представить себе все, о чем рассказал отец Цайсбергер. Но мысль об Иосифе отвлекла его от этих размышлений.

— Отец Цайсбергер, — неожиданно сказал он, — Иосиф уже несколько дней не разговаривал со мной. Ты знаешь, что с ним случилось?

— Ну да, я знаю, — ответил отец Цайсбергер. — Но я думаю, будет лучше, если он сам тебе все расскажет. В данный момент он очень нуждается в друге.

— Если бы я мог, я тут же пошел бы к нему, — воскликнул Давид. — Но я не могу заставить его прийти ко мне.

Давид почувствовал, что его собеседник пожал плечами.

— Может, как-то по-другому, — подтвердил он, — но Бог покажет тебе выход.

* * *

Иосиф чувствовал, что поступил нехорошо, сделав вид, что не услышал голос Джона Майера. Он знал, что это Давид хочет с ним поговорить. Но он сейчас ни с кем не хотел разговаривать, даже с Давидом, который, казалось, сразу понял, что с ним происходит, а ему ни в коем случае не хотелось, чтобы Давид увидел весь рой плохих мыслей и чувств, которые бродили в нем.

Но, несмотря на это, Давид все еще был его лучшим другом. Он не заслужил, чтобы с ним поступали так, как это сделал Иосиф. Может, придумать какой-то предлог, чтобы совсем непринужденно заглянуть к Давиду — просто так, на пару минут.

После вечернего богослужения у него появилась такая возможность, когда он заметил, что Анна Хекштайн устраивает место ночлега вблизи главного костра. Пока отец разговаривал со старшими, Иосиф подбежал к Давиду, который сидел, прислонившись к узлам.

— Привет, Давид, — сказал он, — как твои дела?

Увидев Давида, Иосиф был поражен его видом.

Тот выглядел очень худым и слабым. Его глаза ввалились, острые скулы выделялись на худом лице.

Но его лицо сияло от радости.

— Иосиф! Как я рад видеть тебя! Ты еще совсем

не рассказал мне о последней охоте. Я так хочу послушать об этом.

«Едва ли», — с иронией подумал Иосиф.

— Извини, Давид, но сейчас я не могу. Мой отец…

— Ах, Иосиф, как хорошо! — Анна вышла из палатки. — Мне надо как раз сходить к Марте Хохберг. Она хотела расчесать мои волосы. Но я не хотела оставлять Давида одного. Ты можешь побыть здесь, пока я вернусь?

Иосиф почувствовал себя припертым к стене. Он посмотрел в сторону главного костра. Его отец все еще стоял, углубившись в разговор.

— Ну, хорошо, думаю, что могу.

— Чудесно! — воскликнула Анна и, схватив свой гребешок, убежала с распущенными волосами.

Когда его мать ушла, Давид тут же схватил Иосифа за руку и стянул его к себе вниз.

— Иосиф, расскажи мне про охоту. Там что-то случилось, я вижу это.

И прежде, чем он успел подумать, что делает, Иосиф стал рассказывать всю эту сложную историю: о его решении больше не встречаться с Опече, но что Опече его поймал, о подарке, как отец увидел их, как он заставил его выбросить чудесный подарок — лук со стрелами. И что отец его и дальше наказывает, хотя он ему все честно рассказал. Теперь он не может пойти на охоту, а точнее: вообще не может выходить за пределы лагеря.

— Иосиф, как мне жаль тебя, — печально сказал Давид. — Неудивительно, что ты себя плохо чувствуешь.

Слова Давида действовали как бальзам на огорченного Иосифа.

— Я пытался делать все правильно, Давид, честно, как я тебе обещал перед охотой. Теперь ты

видишь, к чему это привело, — с горечью проговорил он. — Видно, все думают, что я очень плохой, потому что я разговаривал с Опече, и прежде всего — мой отец.

— Я не верю, что все так думают, — поправил его Давид. — Я вообще еще не слышал, что случилось, и Джон Майер тоже нет, а он тоже был на охоте! А твой отец… ты сказал ему, что сожалеешь об этом, и просил у него прощения?

Иосиф почувствовал, как внутри у него всё сжалось.

— Да уж, это, конечно, поможет! — фыркнул он. — Я сказал ему правду, а он наказал меня за это. Он обвинил меня в том, что я разговаривал с Опече на дорожке — а я вообще не виноват в этом! И к тому же я никак не могу понять, что в этом такого плохого.

— Ах, Иосиф, этот человек во что бы то ни стало хотел причинить тебе вред. Он привел тебя к тому, что ты стал угрюмым и недовольным.

Иосиф сверкнул глазами.

— Что я плохо себя чувствую — вообще не имеет никакой связи с Опече. Я сказал своему отцу правду, а также что больше не буду встречаться с Опече, и этого довольно.

— Ну, тогда скажи хотя бы Иисусу, что сожалеешь об этом и попроси у Него прощения.

Иосиф покачал головой.

— Давид, мне слишком трудно быть хорошим. Я не такой, как ты. Кажется, все равно, что бы я ни делал…

— Иосиф! Иосиф! Где ты? — Это Джон Сабош громко звал у главного костра.

— Понимаешь, что я имею в виду? — произнес Иосиф со злой усмешкой. — Достаточно на десять минут скрыться с глаз, и тут же раздаются крики.

Может, он думает, что меня надо охранять как преступника?

— И все же у тебя есть отец, Иосиф, — спокойно сказал Давид. — Разве не написано в Библии, что отец, который любит своего сына, наказывает его? Он, без сомнений, любит тебя, Иосиф, даже если в данный момент это так не выглядит.

— Ах, Давид, что ты об этом знаешь, — недружелюбно прошипел Иосиф.

Пришла Анна, и он поднялся.

— Ты всегда поступаешь правильно, тебя не за что наказывать. Может, мне было бы намного легче, если бы у меня была, как у тебя, одна мать, которая бы просто любила меня — все равно, что бы ни случилось. Может, я был бы более похож на тебя.

Когда Иосиф пошел к своему отцу, то быстро смахнул несколько слезинок, которые свидетельствовали, как одиноко и плохо ему было.

* * *

На следующий день Иосиф опять чувствовал себя скверно. Он снова плохо обошелся с Давидом — лучшим другом, которого он имел на всем белом свете. Он должен сказать Давиду, что жалеет о сказанном и желает наладить отношения с ним.

Незадолго до обеда, когда мальчики гнали скот через узкое тенистое ущелье, Иосиф обнаружил куст малины, на нем висели крупные красные ягоды. Их пора уже прошла, но так как этот куст рос далеко от знойного июльского солнца, то ягоды созрели позднее. Он сунул в рот несколько сочных ягод, и тут ему в голову пришла идея.

Он принесет Давиду ягоды. Это будет чудесный предлог для примирения!

Через некоторое время послышался сигнал на обед. На пути к своей порции мяса и хлеба Иосиф высматривал Давида. Тот сидел, прислонившись к дереву, и мать уговаривала его поесть немного каши.

— Давид, посмотри, что я нашел! — воскликнул он и поднес к нему соломенную шляпу. — Все они — для тебя!

Лицо Давида тут же просветлело. Он взял шляпу и стал медленно класть ягоды в рот. Он улыбался, ему нравились эти свежие ягоды.

— Да благословит тебя Бог, Иосиф, — сказала Анна, с облегчением вздохнув. — Где же ты их нашел так поздно?

— Тебе еще хочется таких ягод? — спросил Иосиф. — Я их нарвал недалеко в ущелье. Там еще много осталось. Через пару минут я принесу тебе еще.

Не дождавшись ответа, Иосиф бросился бежать, пробивая себе дорогу между переселенцами, которые сидели то тут, то там на поваленных бревнах или на лужайках, покрытых мхом.

Когда он пробегал мимо лошадей, привязанных в конце колонны, то заметил, что до ущелья не так-то близко. Прикинув, что это займет примерно десять минут, он прибавил скорость.

Но как только лошади скрылись из виду, он услышал за собой гневный голос, зовущий его по имени.

— Иосиф Сабош! — прогремел голос отца. — Куда ты бежишь? Как ты осмелился оставить лагерь?

Через реку

Иосиф остановился, медленно повернулся и увидел, как к нему огромными шагами сердито приближается отец.

— Ну-ка, объясни мне, что это значит, молодой человек? — потребовал Джон Сабош.

Иосиф глубоко вздохнул и попытался сдержать дрожь в своем желудке. В своем усердии обрадовать Давида он совершенно забыл, что находится под арестом. Но его разозлило то, что отец подозревал его в злом умысле, не узнав, в чем дело.

— Я только хотел нарвать для Давида малины, — невозмутимо сказал он и постарался, чтобы голос его не дрожал.

— Малины! — усмехнулся Сабош. — Это же чудесная сказка. Сезон малины закончился уже две недели назад. Неужели я не могу тебе больше доверять, Иосиф?

Иосиф упрямо смотрел отцу в глаза.

— Я говорю правду, отец. Что мне еще сказать?

Джон Сабош долгим взглядом посмотрел на сына. На его лице можно было прочитать смешанное чувство разочарования и гнева. Наконец он сказал:

— Сейчас же иди назад в лагерь!

Иосиф прошел мимо отца и быстро направился назад к длинным рядам отдыхающих. Он молча прошел мимо Давида. Лицо его было хмурым и невозмутимым. Он знал, что отец идет за ним, и остановился только тогда, когда занял свое место в начале колонны.

Когда он прислонился к дереву,

чтобы отдышаться, то вспомнил, что сам еще не ел. Ну, все равно. Он бы и не мог сейчас есть. Он был слишком взволнован.

Скоро прозвучал сигнал к отправлению. Краем глаза Иосиф видел, что его отец занял место далеко впереди колонны, чтобы всегда держать его в поле зрения.

Иосиф замахнулся на последнюю корову. «Я так долго не выдержу, — зло подумал он, подгоняя корову палкой. — Я даже не могу оставить лагерь, чтобы нарвать малины для Давида! Я говорю отцу правду, а он не верит мне. Это… это слишком унизительно, и я больше не потерплю этого! Я убегу. Я найду Опече, и он примет меня. Что мне до того, что он плохой человек. Он, по крайней мере, относится ко мне как к человеку».

* * *

— Мама, — шептал Давид пересохшими губами. — Я плохо чувствую себя, но мне нужно обязательно увидеть Иосифа. Пожалуйста, поищи его и попроси, чтобы он пришел ко мне.

Давид до самого вечера переживал за Иосифа. Он видел возвращение друга чуть ли не сразу, как тот побежал в ущелье, чтобы нарвать малины. Его отец шел вслед за ним. Давиду было понятно, что случилось. Сегодня вечером он чувствовал себя очень слабым, чтобы вообще с кем-то говорить, но он должен поговорить с Иосифом. Он не хотел, чтобы его друг терпел из-за него трудности. А выражение лица Иосифа очень обеспокоило его.

Мать пришла с упирающимся Иосифом.

— Иосиф, он сегодня вечером немного устал, — сказала Анна, бросая на Давида заботливый взгляд. — Но ты умеешь ободрить его. Завтра ему будет лучше, я уверена в этом.

Она зашла в палатку и оставила мальчиков одних.

Иосиф сел рядом с Давидом, стараясь не смотреть ему в глаза.

— Давид, тебе сегодня особенно нездоровится, — сказал он. — Будет ли завтра тебе действительно лучше?

— Я не знаю, Иосиф, — прошептал Давид. — Иногда я думаю, что я увижу небо, прежде чем мы достигнем прекрасного источника. — Он видел отчуждение в глазах Иосифа. — Но я не для этого позвал тебя. Ты имел сегодня трудности из-за меня, не правда ли?

Злость и огорчение вновь отразились на лице Иосифа.

— Это не твоя вина. Я сказал моему отцу, куда я хочу идти, но он не поверил мне.

— Ах, Иосиф, ты только привел бы его сюда, и я подтвердил бы, что твои слова верны.

Иосиф стиснул зубы.

— Нет, он должен верить мне, а не только потому, что ты скажешь. Я не должен каждый раз доказывать.

— Но Иосиф, — с печалью сказал Давид, — ты же сам сказал, что ты не просил у него прощения, что обманывал его, ускользая, чтобы встретиться с Опече. Пока ты этого не сделаешь, тебе придется доказывать.

Иосиф бросил на него сердитый взгляд.

— Вот как? Откуда у тебя такая мудрость?

Слабая улыбка появилась на лице Давида.

— Я вообще не мудрый. Мудрость дает нам Бог, когда мы каемся перед Ним. Все равно, какими бы хорошими мы ни были, мы не сможем быть достаточно хорошими, чтобы заслужить вечную жизнь. Только лишь когда мы увидим свою греховность и попросим у Иисуса прощения, мы становимся детьми Божьими.

Иосиф опять покачал головой.

— Это не то. Да, я сделал что-то неправильно. Но ведь я все рассказал отцу и всегда слушался его. А он не перестает обращаться со мной, как будто я самый ужасный преступник. Нет, я не поползу ко кресту. У меня своя гордость.

Давид прикусил губу, чтобы не закричать, так как боль в бедре поползла вверх по спине. Маленький костер бросал тень на угрюмое лицо Иосифа. Он выглядел очень несчастным.

— Ах, Иосиф, — наконец проговорил Давид, — Иисус не может жить в твоем сердце, если оно управляется гордостью. Я буду молиться за тебя, чтобы ты получил смелость и попросил у отца прощения.

— Почему ты не молишься за моего отца, чтобы он попросил у меня прощения? — с насмешкой спросил Иосиф и встал. — Нет, лучше вообще не молись. Это все равно не поможет — это и не нужно.

Давид с печалью смотрел, как уходил Иосиф. Его глаза горели от сухих слез. Что имел в виду Иосиф, говоря: «это и не нужно». Но глубоко внутри он знал ответ — Иосиф убежит.

* * *

На следующее утро опять не хватало одного ружья. Когда Иосиф услышал об этом, он улыбнулся про себя. Хорошо! Это значит, что Опече и его воины все еще недалеко от них.

Сегодня вечером он убежит.

* * *

До обеда пришли двое мужчин, исследовавшие дорогу, с сообщением, что впереди у них река. Чтобы пересечь ее, им нужно будет искать брод, если он есть.

Всюду слышались взволнованные разговоры. Видно, это река Аллегеин. Но найдут ли они мелкое место, чтобы без лодок переправиться через нее?

Длинные ряды переселенцев шли по берегу реки в южном направлении, в то время как разведчики пытались найти брод. Июльское солнце припекало. На открытом берегу не было спасительной тени лесной прохлады. Когда прозвучал сигнал к обеду, все мальчики и девочки тут же устремились в воду, плескались и плавали наперегонки. Все, кроме Иосифа, — он стоял в стороне и смотрел.

В это утро Давида нес Джон Майер. Найдя тенистое место, он посадил мальчика, чтобы тот мог видеть других детей. Он сел рядом с Давидом и кивком головы показал на Иосифа.

— Мне кажется, что Иосиф сильно изменился, — печально сказал он. — Еще несколько недель назад он был полон энергии, полон впечатлений от путешествия, охотно испытывал свои охотничьи таланты, приветливый и открытый. Теперь же… как будто его подменили! Я пробовал говорить с ним, спрашивая, что беспокоит его, но он ничего не отвечает.

Давиду казалось, что он слышит слова Джона издалека. Он с трудом приподнялся, сел и сказал:

— Джон, не отступай от него. Заботься о нем. Будь ему другом и братом, когда меня не будет.

Джон Майер повернулся и внимательно посмотрел на Давида.

— Что ты хочешь этим сказать?

От усталости у Давида закрывались глаза. Он долгое время молчал. Но потом он снова открыл глаза и посмотрел на реку, которая блестела на солнце.

— Ну, я думаю, что очень скоро перейду другую реку, — тихо сказал он.

Джон нахмурил лоб и хотел что-то сказать, но в этот момент прозвучал крик. Новость быстро распространилась: нашли мелкое место, сразу за следующим поворотом реки!

За время отдыха из молодых стволов был сооружен крепкий плот, на котором можно было перевезти маленьких детей, стариков и больных, а также все запасы пищи. Большие животные сами переплывали реку, маленьких сопровождали пловцы. В самом глубоком месте было около метра. Большинство мужчин переходили по несколько раз туда и назад, направляя плоты на безопасное место на берегу, переносили на плечах детей и помогали при переходе другим, чтобы быстрое течение никого не унесло.

Джон Майер переплыл вместе с Давидом, затем посадил его на солнышке обсыхать и пошел назад, чтобы помочь перейти Анне Хекштайн. Холодная

вода вырвала Давида из оцепенения, от которого он страдал уже не один день. Он внимательно смотрел на реку, которая кишела вскрикивающими от восторга детьми, коровами и мекающими козами.

Тут он увидел Иосифа, который стоял по грудь в воде и, взмахивая руками, кричал, перегоняя коров на другую сторону.

Он выглядел очень одиноким.

* * *

Давид был не единственным, который наблюдал за Иосифом. Джон Сабош с тяжелым сердцем смотрел, как его сын выполняет мужскую работу: сопровождает плоты, перегоняет коров, переносит запасы пищи на солнце для сушки. Мальчик работал изо всех сил, как будто он все должен был делать один.

Иосиф больше не разговаривал с отцом с того дня, когда он поймал его за пределами лагеря. Он говорил только лишь «да» или «нет».

Когда все перешли на другую сторону, Джон пошел искать отца Цайсбергера.

— Отец Цайсбергер, — начал он. — Я должен обязательно с тобой поговорить.

Отец Цайсбергер делал обход, чтобы удостовериться, что все благополучно перешли. Он передал управление брату Хекевельдеру и отошел с отчаявшимся отцом в сторону.

— Отец Цайсбергер, — начал Джон Сабош, нахмурив лоб. — Я уже не знаю, что мне делать с Иосифом, у меня больше не хватает мудрости. Он день ото дня удаляется от меня все дальше и становится безразличнее. Он очень послушен, но... как будто между нами огромная стена. Вчера я

снова поймал его на месте преступления, когда во время обеда он хотел оставить лагерь!

Сабош коротко описал этот случай.

Цайсбергер задумчиво потер свой подбородок.

— И ты не поверил, что он сказал правду?

— Вначале нет, — покачал головой отец Иосифа. — Это показалось мне просто оправданием, и я подумал, что он отправился на встречу с этим могиканином. Но потом я наедине спросил Анну Хекштайн, пообещал ли Иосиф нарвать ее сыну малины… и оказалось, что он нашел в тенистом ущелье один куст, на котором были спелые ягоды.

Улыбка появилась на лице отца Цайсбергера.

— Значит, он сказал правду?

— Да, — ответил Сабош. — Но не это главное. Он без разрешения оставил лагерь.

— Да, конечно. Но, я думаю, в мальчишеском усердии сделать радость своему больному другу он вообще не подумал об этом. Или ты думаешь, что он преднамеренно хотел обмануть тебя?

— Нет.

Джон Сабош молча размышлял. Он не обращал внимания на шум вокруг себя.

— Нет, и я не хотел поступать так строго с ним. Но… — Джон на мгновение остановился. — Но, хотя он рассказал мне все, что у него было с Опече, мне кажется, что он совсем не считает себя виновным. Я думал, что смогу заставить его увидеть свою ошибку.

— Брат Сабош, — спокойно сказал Цайсбергер, — мы можем путем насилия подействовать на поведение другого, но не сможем изменить внутреннюю позицию. Но еще не поздно. Скажи своему сыну, что он уже достаточно наказан и дай ему снова свободу. Наши запасы пищи уже кончаются, и я хотел на днях вновь организовать охоту. И я думаю, что ты можешь взять с собой Иосифа.

— На охоту? — неуверенно проговорил Джон Сабош. — Я еще не уверен…

— Подумай об этом, мой друг, — Цайсбергер похлопал своего друга по плечу. — Ты вырастил хорошего сына. Протяни ему руку прощения и дай ему возможность показать себя.

Джон Сабош посмотрел вслед отцу Цайсбергеру, когда тот возвращался в лагерь.

Ему очень хотелось вернуть те добрые отношения, которые были у него с Иосифом все эти годы после смерти его матери. Может, ему стоит послушать пастора? Он скажет Иосифу, что он уже достаточно наказан и что он изменил свое мнение: Иосиф может идти с ним на охоту. Да, он решил сказать ему это на следующий день.

Джон Сабош не знал, что Иосиф решил убежать этой ночью.

Переход другой реки

Давид сидел на траве и видел, как отец Цайсбергер вернулся после беседы с отцом Иосифа.

— Будет светло еще несколько часов, — крикнул отец Цайсбергер. — Давайте пройдем еще немного вдоль берега перед ночным отдыхом. При ходьбе и одежда быстрее высохнет.

Все обрадовались и снова взялись за свои пакеты и узлы, погнали коров и коз под горячим июльским солнцем.

— Давид, давай я понесу тебя дальше, — сказал Джон Майер, подойдя к нему.

Давид хотел ответить, но приступ кашля сотряс его. Когда он снова смог говорить, то к неожиданности Джона сказал:

— Нет, спасибо, Джон. Я хочу, чтобы мама понесла меня.

Даже Анна была удивлена. Обычно Давид с радостью принимал эти услуги, чтобы освободить мать. Но она охотно водрузила на спину корзину, и с помощью Джона Майера Давид скоро был в ней.

Где-то с километр они прошли молча, и Давид вдруг прошептал за ее спиной:

— Мама, ты сильно будешь скучать, если я оставлю тебя, чтобы быть с папой на небе?

— Давид, что ты говоришь? — испуганно спросила мать.

— Так... как время пришло, — прошептал Давид. — Я верю, что Иисус зовет меня. Только, пожалуйста, не печалься, мама... — его

шепот прервал новый приступ кашля. — Я рад, что мы вместе могли начать это путешествие. Но я думаю, что тебе… придется закончить его без меня, потому что я ухожу в другое путешествие…

— Отец Цайсбергер! — закричала Анна. — Отец Цайсбергер! Иди сюда! Помоги мне! Пожалуйста, побыстрее!

Отец Цайсбергер услышал ее испуганный крик и тут же побежал. Некоторые другие семьи заметили, что что-то случилось, и поспешили на помощь.

Давид смотрел на пастора ясными сияющими глазами — он знал, что Цайсбергер понял его. Пришло время прощаться.

Пастор очень осторожно взял Давида на руки и вынул его из корзины на спине матери. Затем сел на обросший мхом ствол дерева у края дороги. Анна, увидев взгляд Давида, направленный вдаль, казалось, не переживет этого. Марта Хохберг быстро и крепко обняла свою подругу.

Тут же объявили об остановке всей колонны, так как юный Давид Хекштайн был при смерти. Джон Майер протиснулся в тихий маленький круг, который образовался вокруг Давида, и молча, с печальным лицом, стоял рядом со своим юным другом, который лежал на руках пастора.

— Ты готов к этой части путешествия, Давид? — тихо спросил Цайсбергер.

Давид посмотрел в лицо пастора:

— Да, — прошептал он, — только я никогда не узнаю, какую задачу имел для меня Бог. — Он остановился, каждое слово причиняло ему боль. — Но это ничего. Я научился говорить: «Не моя воля, но Твоя да будет».

Отец Цайсбергер не мог удержать слез, он улыбнулся, глядя на мальчика.

— Но, отец Цайсбергер, у меня есть еще одно желание, — сказал вдруг Давид. — Я хочу принять крещение. Знаешь… я надеялся принять крещение в обетованной земле. Но теперь… я знаю, что не закончу с вами это путешествие, — он посмотрел на отца Цайсбергера горящими глазами. — Ты можешь меня сейчас крестить?

С радостной улыбкой Цайсбергер встал, держа мальчика на руках. Он что-то шепнул Джону, и тот взял под руку Анну. После того как все молча собрались на берегу, четверо — отец Цайсбергер, Давид, Анна и Джон Майер — вошли в воду.

Цайсбергер повернулся, чтобы посмотреть на все собрание индейцев-христиан, которые были вдали от родины, здесь, в диких местах Пенсильвании. Громко и внятно он сказал:

— Давид Хекштайн, ты принял Иисуса Христа твоим личным Господом и Спасителем. И я крещу тебя во имя Отца и Сына, и Святого Духа. Аминь.

Вся церковь на берегу произнесла хором: «Аминь». Затем отец Цайсбергер и Анна погрузили Давида в воду. Он сиял и улыбался мокрым лицом.

Вчетвером они вышли из воды, быстро приготовили постель из мха и накрыли ее. Все понимали, что нельзя продолжать путешествие, пока Давид не перейдет другую реку. Когда его положили на постель, Давид окинул взглядом лица всех братьев и сестер, а также детей, стоявших вокруг него.

— А где Иосиф? — спросил он.

* * *

Джон Майер нашел его одного, на самом краю собравшейся толпы. Он сидел, обхватив голову руками, и до того сжал кулаки, что кончики суставов на пальцах побелели, внутри него происходила

жестокая борьба. Он знал, почему колонна остановилась. Он видел, как Давида занесли в воду и крестили. Но у него не хватало смелости подойти к нему. Как он жалел о своих словах, сказанных Давиду при последнем разговоре: «Можешь не молиться обо мне».

— Он спрашивает тебя, — тихо сказал ему Джон Майер.

Иосиф встал и молча пошел за Джоном к свободному месту, которое оставалось у постели Давида.

«Зачем Давид снова и снова хочет видеть меня, ведь я каждый раз огорчаю его? А теперь он при смерти... при смерти! Я теряю Давида, своего лучшего друга, другого такого я никогда не найду. Но я и не заслуживаю дружбы Давида! До сих пор я только и думал о том, как мне сбежать этой ночью, а Давид в это время... Давид...»

Иосиф механически встал на колени перед постелью друга. В следующее мгновение худые руки Давида обвили его шею и потянули его голову вниз, так что их лица почти вплотную приблизились друг к другу.

— Иосиф, — услышал он шепот у самого уха, так тихо, что никто другой не мог услышать его, — Иосиф, пообещай мне... пожалуйста, пообещай мне, что ты не оставишь наш народ, — голос был горячим и прозвучал сдавленно. — Я только тогда смогу спокойно уйти к моему Небесному Отцу, если буду знать, что ты живешь здесь в безопасности среди людей, любящих Иисуса.

Иосиф отпрянул.

«Ах, Давид! Неужели ты все еще можешь читать мои самые тайные мысли? Ты требуешь от меня слишком трудного! Я был готов убежать сегодня вечером!»

Давид все еще смотрел Иосифу в глаза.

Его губы еле слышно прошептали еще раз:

— Пообещай мне!

Иосиф закрыл лицо руками. Он все еще чувствовал пальцы Давида, цепляющиеся за его рубашку. Бедный Давид! Больное тело лишило его всех радостей жизни, к которым так стремился Иосиф: свободы ходить, куда и когда хочешь, захватывающей охоты, волнующей жизни воина… И все же Давид был счастлив. Почему?

Иосиф знал — почему. Потому что Давид верил, что Бог любит его. Он принимал физические ограничения, которые Бог возложил на него, и видел в этом любовь. Мог ли Иосиф… Мог ли он осмелиться…

Иосиф поднял голову. Давид все еще смотрел на него огромными серьезными глазами. И вдруг из сердца Иосифа исчезла тяжесть борьбы. Он даже вздрогнул, когда накопленная ярость, так долго сопровождавшая его, покинула его. Иосиф взял худенькую руку Давида в свою ладонь.

— Я обещаю тебе, — прошептал он.

И затем он сам себе добавил: «Я еще больше сделаю. Я сделаю то, о чем ты просил меня раньше — попрошу у отца прощения».

Люди, собравшиеся вокруг, молчали. Легкий ветерок шевелил листья на деревьях, птички щебетали между собой.

Тогда Давид громко и ясно сказал:

— Мой Небесный Отец зовет меня… я должен идти. Иосиф, ты сказал, что ты очень хотел бы иметь мать. Видишь, я отдаю тебе свою, — глаза мальчика скользнули по лицам, пока не остановились на матери. — Мама, пусть Иосиф будет твоим сыном вместо меня.

Слезы струились по лицу Анны и по лицу

Иосифа. И он не стыдился, что все видят их. Как и Давид, он никогда не хотел плакать от боли или из-за трудных обстоятельств, но сочувствие и нежность слишком глубоко касались его.

Сквозь слезы Иосиф увидел, что Давид закрыл глаза. Он перешел свою реку.

* * *

Всю ночь Анна сидела у тела своего мальчика. Она не хотела спать. В стороне сидели отец Цайсбергер, Джон Майер и Иосиф, держа вместе с ней стражу.

Когда наступила полночь, Иосиф отметил про себя, что он сделал выбор. В это время он хотел, собственно, отправиться в путь, подальше отсюда, назад к Опече.

«Что же за слова Давид так часто шептал про себя? — вспоминал он. — "Не моя воля, но Твоя да будет"».

На следующий день они похоронили Давида на этом месте. Джон Майер сделал обыкновенный деревянный крест и забил его в землю. Отец Цайсбергер прочитал место из Откровения: «...и отрет Бог всякую слезу с очей их, и смерти не будет уже; ни плача, ни вопля, ни болезни уже не будет, ибо прежнее прошло».

Все страдания Давида кончились.

После того как спели песню, все взяли свои пакеты, узлы и палки и отправились в путь. Но Иосиф перед этим должен был сделать еще что-то очень важное.

— Отец! — крикнул он. — Отец, можно ли мне немного пойти с тобой?

Джон Сабош кивнул и, казалось, хотел что-то сказать, но Иосиф опередил его:

— Нет, папа, дай мне первому сказать. — Он

глубоко вдохнул воздух. — Я очень плохо вел себя и хотел попросить у тебя прощения.

В этот раз Иосиф сказал отцу все, что было у него на сердце — не только все, что он сделал, но что ему нравились истории Опече и жизнь воина, и какой разлад был из-за этого у него на сердце. Он признался, как он ожесточился, когда отец наложил на него арест. Он также рассказал, что хотел убежать к могиканам. И если бы Давид не задержал его, то он был бы уже там.

— Отец, я охотно приму любое наказание, — глубоко вздохнул Иосиф, — которое тебе покажется подходящим, так как я был хуже, чем ты думал. Но я очень жалею об этом. Можешь ли ты мне простить?

К удивлению Иосифа, отец ничего не сказал, только обнял и крепко прижал к себе. Отец и сын стояли вместе, пока вся колонна не прошла мимо.

Наконец Джон Сабош снова мог говорить.

— Иосиф, — горячо начал он, — наказания больше никакого не будет. Ты снова пришел домой. Я полностью прощаю тебе. Впрочем, отец Цайсбергер сказал мне, что скоро будет организована охота. Я хочу, чтобы ты пошел вместе со мной.

Совсем незаметно для обоих подошел отец Цайсбергер. С сияющим лицом он одной рукой обнял отца, а другой — сына и сказал, когда они втроем пошли дальше:

— Я верю, что наш Небесный Отец взял к Себе Давида, так как задача, которую Он усмотрел для него, выполнена.

Эпилог

Через несколько недель индейцы-христиане пришли в долину реки Мускаингун в Огайо. Там 23 августа 1772 года они праздновали свое первое собрание церкви. Они дали своему новому селу имя Вилик-Тупек (по-немецки Шонбрун, или Прекрасный Колодец).

В последующие десять лет они мирно жили среди племен делаваров, приобрели многих братьев по вере и образовали новые села.

Индейцы-христиане (иногда их называли богемскими индейцами) были очень уважаемы белыми за их усердие, благосостояние, достающееся прилежным трудом, чистоту, порядок, за их честность и праведность.

Иосиф Сабош сдержал свое обещание: он стал верным соработником отца Цайсбергера. Зная искушения ветхой природы, он имел большое влияние на молодых людей.

В это время, в 1776 году, американские переселенцы объявили о своей независимости от Великобритании. Через несколько лет гражданская война настигла индейцев-христиан, которые не были связаны ни с какой стороной, но хотели жить в мире со всеми.

Англичане пытались все же настроить индейцев против американских поселенцев. Когда Цайсбергер, употребив свое влияние, убедил делаваров держаться подальше от этой войны, англичане разозлились. В 1781 году миссионеров арестовали и бросили их в тюрьму в Детройте (позже их снова выпустили). Остальных индейцев заставили оставить село и переселиться западнее реки Сэндуски. Они тут же основали поселение и назвали его Село Изгнанников.

После тяжелой зимы и вследствие грозящей им голодной смерти некоторые индейцы-христиане вернулись в долину Мускаингун, чтобы собрать оставленный урожай, который все еще был на полях. Примерно сто пятьдесят вооруженных белых согнали безоружных индейцев вместе и жестоко убили их: мужчин, женщин и детей, всех без разбору. Девяносто человек были убиты 8 марта 1782 года.

Среди мучеников были Иосиф Сабош и Джон Майер.

Начало богемских братьев

В 1400 году римо-католический священник Ян Гус призвал свою церковь к реформе, но в 1415 году его сожгли на костре, объявив еретиком. Его последователи заметили, что католическая церковь отвергает реформы, и решили организовать новую церковь, которая придерживалась бы учения Нового Завета. Это было началом течения объединенных братьев, которые позднее стали известны под названием богемских братьев. Вместе с другими протестантами они были преследуемы и рассеяны. Но небольшая кучка скрывающихся богемских братьев продолжала действовать под попечительством Иоанна Komeниуса и в XVII столетии.

В начале XVIII столетия граф Николай Цинцендорф хотел организовать христианскую общину в местечке Бертельсдорф, в своем владении в Саксонии, недалеко от Дрездена. Однажды перед его дверью в Дрездене появился богемский брат Давид Кристиан. Он слышал, что молодой граф готов принять в своей земле гонимых богемских братьев. Цинцендорф согласился, и в 1722 году первая группа богемских братьев прибыла в Бертельсдорф.

Это поселение было названо Гернгут, что означает «под защитой Господа». Цинцендорф помог им в создании школы, типографии, прядильного и горшечного производства. В 1726 году число жителей селения выросло до трехсот.

Целью создания христианской общины в Гернгуте было дать образование миссионерам, чтобы они несли Слово Божье гонимым и обездоленным.

Первые два миссионера были посланы к цветным рабам на Карибские острова. До 1760 года (год

смерти Цинцендорфа) по всему миру разошлись и разъехались 226 миссионеров. Ни одна церковь не могла превзойти в этом богемских братьев. У них был успех даже там, где другие не могли евангелизировать, потому что они проповедовали только Евангелие и не преследовали интересы властей. Они отвергали насилие даже для собственной защиты и оставались нейтральными в военное время, часто рискуя собственной жизнью.

Давид Цайсбергер — миссионер среди индейцев

Давид и Розина Цайсбергер в 1726 году бежали из Богемии в поисках свободы вероисповедания и пришли в Гернгут, где уже собрались сотни гонимых из Богемии. Их сыну Давиду было тогда пять лет. Через десять лет Цайсбергеры присоединились к группе миссионеров, желающих создать миссию богемских братьев в Новом свете, в Джорджии. Пятнадцатилетнего Давида оставили в Гернгуте, чтобы он закончил школу.

Но его учителя были чересчур строгими, и когда Давида несправедливо наказали, он убежал к своим родителям. Жизнь в Америке была полна приключений. Пастор Болер, один из богемских братьев в Джорджии, взял его к себе в ученики.

Через несколько лет группа братьев, и среди них юный Давид, переселились в Северную Пенсильванию, чтобы там создать церковь, которую они назвали «Вифлеем». Позднее она стала отцовским домом для богемских братьев в Северной Америке. У Давида была большая способность к иностранным языкам, и он получил возможность вернуться в Европу на учебу. Но все же он сказал своему учителю Болеру, что он «только хочет воистину жить со Христом и служить Ему в Америке».

«Вифлеем» стал центром различных миссионерских походов в индейские племена. Еще с одним братом Давид одно время жил среди могикан, чтобы выучить их язык. Но англичане все же заподозрили их в шпионаже в пользу французов и арестовали их, так как они отказались дать клятву верности королю Георгу.

Давид Цайсбергер завоевал уважение и дружбу

индейцев, говоря им честно то, что он думал, не обманывая их, как это делали многие белые. Он жил с ними и учил их язык, стал их советником и другом. Когда индейцы стали обращаться ко Христу, то они создавали села богемских братьев.

Этими индейцами, с одной стороны, восхищались, а с другой стороны — их ненавидели. Восхищались их благосостоянием, выросшим в результате их усердия. Ненавидели их за то, что они оставались нейтральными в различных войнах между белыми и индейцами. Их постоянно изгоняли с их поселений и гнали из одной земли в другую. Во время семилетней войны между Англией и Францией (1756-1763) они часто попадали между фронтами, потому что ни к кому не присоединялись. Миссионерская работа была тогда невозможна. В начале войны было даже совершено нападение на село богемских братьев Дома Милости, и были убиты мужчины, женщины и дети. Давид Цайсбергер едва остался в живых.

Но и после этой войны отношения между белыми и индейцами оставались напряженными. Индейцам всегда угрожала опасность, так как белые часто не делали различия между дружелюбно и враждебно настроенными индейцами.

Когда трудности умножились, индейцы-христиане попросили помощи у британского правительства. Группа индейцев из 120 мужчин, женщин и детей, сопровождаемая Давидом Цайсбергером, была приведена для их «защиты» в Филадельфию. Но когда они прибыли туда, их ждали негодные люди с угрозой — уничтожить этих дикарей. Для безопасности индейцев закрыли в армейские бараки. За это время от оспы умерли 56 человек.

Наконец наступил мир, и индейцы-христиане были отпущены на свободу. В марте 1765 года

маленькая группа оставила Филадельфию и после пятинедельного путешествия прибыла на берег Сускуеханны, поселившись там в ста милях от белых поселенцев. Они назвали свое новое село Вализинг, или Мирные Дома.

Село Мирные Дома росло и становилось все прекраснее, и уже вскоре насчитывало 150 жителей. Там стояло 29 блочных домиков, 13 палаток, небольшая церковь со школьным помещением, миссионерский дом и фруктовые сады с цветами за каждым домом. Село было окружено оградой, за которой простирались огромные луга и пастбища. На них паслись большие стада коров и свиней, а также куры и гуси. На берегу реки были привязаны лодки, по одной для каждой семьи. В обмен на пшеницу, солодовый сахар, масло, свинину и на искусно сделанные лодки жители могли иметь различные товары.

Их посещали многие племена: могавки, каюги, сенеки, онандаги, тускарори, нантикоки — все они слушали Евангелие об искуплении и прощении грехов, и многие были восхищены упорядоченной и богатой жизнью индейцев-христиан. Но некоторые соседние племена не доверяли им и сердились на них, так как считали, что они поклонялись Богу белых. Многие пытались их переубедить возвратиться к прежним традициям и языческим обрядам, которые они оставили.

Через несколько лет Давид Цайсбергер пошел дальше на запад, чтобы там проповедовать Евангелие. На берегу реки Бавер-Ривер было организовано новое миссионерское село. Его назвали Мирное. Затем вождь делаваров пригласил Давида Цайсбергера в Огайо — жить в их племени.

В это время жителей Мирных Домов все сильнее притесняли белые поселенцы. Их поселения все

более приближались к территории индейцев. Снова возникли напряженные отношения между другими индейцами и белыми, и снова они хотели вовлечь в конфликт индейцев-христиан. Поэтому в 1771 году миссионерскую станцию для индейцев решили перенести из Пенсильвании в дикие места Огайо.

В начале 1772 года пять семей выехали из Мирных Домов в долину реки Мускаингун, чтобы найти подходящее место для переселенцев. Затем Давид Цайсбергер возвратился, чтобы сопровождать оставшиеся семьи на новую родину, которую они назвали Шонбрун.

Десять лет индейцы-христиане жили в мире и благоденствии. В 1781 году Давид Цайсбергер в возрасте 60 лет женился на еще довольно молодой девушке Зузанне Лекрон. Но в этом же году их счастье в Огайо было нарушено американской революцией. Британцы пытались настроить индейцев против белых поселенцев. Цайсбергер своим влиянием сохранил делаваров от участия в войне. Но у британской стороны к нему это вызвало подозрения.

В Детройте Цайсбергер вместе с другими миссионерами был арестован, а оставшихся индейцев-христиан вынудили оставить свои дома и уйти на запад к реке Сэндуски. Там они основали село, которое назвали Село Изгнанников.

Перед людьми стояла угроза голодной смерти, поэтому некоторые индейцы-христиане возвратились назад в Шонбрун, чтобы спасти свой урожай. Там на них напали вооруженные белые. Они хотели отомстить за убийство семьи белых поселенцев, совершенной воинствующими индейцами. 90 беззащитных мужчин, женщин и детей были избиты до смерти.

Несмотря на эту трагедию, миссия богемских

братьев сохранилась среди индейцев Северной Америки. Давид Цайсбергер был в большой тревоге за свое рассеянное стадо. Новый конгресс Соединенных Штатов вернул им их поселение на реке Мускаингун, их старую родину. Но напряженность в этой местности была еще очень велика. В 1791 году они нашли убежище в Канаде, но, в конце концов, все же вернулись в Шонбрун, где они нашли и по-христиански похоронили останки своих убитых братьев.

Кроме своего служения проповедника, Давид Цайсбергер перевел на язык делаваров и издал известный христианский песенник. Также он составил для делаваров арифметику и грамматику, словарь на немецком и языке онанданга, грамматику для онанданговис и проповеди на языке делаваров.

Давид Цайсбергер умер в 1808 году, в возрасте 87 лет. Его похоронили в Гошен, в Огайо, где он основал свою последнюю миссию.